

Мольер Жан-Батист

Дон Жуан или Каменный гость

Комедия в пяти действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дон Жуан, сын дон Луиса.

Сганарель, слуга Дон Жуана.

Эльвира, жена Дон Жуана.

Гусман, конюший Эльвиры.

Дон Карлос |

} братья Эльвиры.

Дон Алонсо |

Дон Луис, отец Дон Жуана.

Франциск, нищий.

Шарлотта |

} крестьянки.

Матюрина |

Пьеро, крестьянин.

Статуя командора.

Ла Вьолет |

} слуги Дон Жуана

Раготен |

Г-н Диманш, торговец.

Ла Раме, бандит.

Свита Дон Жуана.

Свита дон Карлоса и его брата, дон Алонсо.

Призрак.

Действие происходит в Сицилии.

Действие первое

СЦЕНА ПРЕДСТАВЛЯЕТ ДВОРЕЦ

ЯВЛЕНИЕ I

Сганарель, Гусман.

Сганарель (с табакеркой в руке). Что бы ни говорил Аристотель¹, да и вся философия с ним заодно, ничто в мире не сравнится с табаком: табак - это страсть всех порядочных людей, а кто живет без табака, тот, право, жить не достоин. Табак не только дает отраду человеческим мозгам и прочищает их, он наставляет души на путь добродетели и приучает к порядочности. И если уж кто нюхает табак, с какой предупредительностью он угощает им и с каким радушием предлагает его направо и налево! Тут даже не ждешь, пока тебя попросят, ты сам спешишь навстречу чужому желанию, - вот каким порядочным и добродетельным становится всякий, кто нюхает табак! Но довольно об этом, вернемся к нашему разговору. Итак, мой дорогой Гусман, госпожа твоя, донья Эльвира, удивленная нашим отъездом, пустилась следом за нами в путь, а мой господин, по твоим словам, так пленил ее сердце, что она и жить не станет, если не разыщет его. Хочешь, я по секрету скажу тебе, что я думаю? Боюсь, что ей плохо отплатят за ее любовь, что от ее приезда в этот город мало будет проку и что вам бы лучше было не двигаться с места.

Гусман. А в чем же тут причина? Скажи, пожалуйста, Сганарель, отчего у тебя такие недобрые мысли? Может быть, твой господин открыл тебе свою душу и сказал, что он к нам охладел и что именно это заставило его уехать?

Сганарель. Да нет, но я всего понавиделся и примерно знаю, как оно бывает, и хоть он мне еще ничего не говорил, а я готов биться об заклад, что идет к тому. Может, я и ошибаюсь, но опыт, право же, кое-чему меня научил.

Гусман. Неужели же этот внезапный отъезд означает измену Дон Жуана? И он мог так оскорбить нежные чувства доньи Эльвиры?

Сганарель. Нет, но ведь он еще молод и ему не хватает смелости...

Гусман. Человек такого знатного рода - и совершает такую низость!

Сганарель. Что ж что знатного рода! Это еще не причина. Знатный род не помеха.

Гусман. Но его связывают священные узы брака.

Сганарель. Эх, бедный мой Гусман! Поверь, друг мой, ты еще не знаешь, что за человек Дон Жуан.

Гусман. Должно быть, я и правда не знаю, что он за человек, если он мог так коварно обмануть нас. И я просто не пойму, как после такой любви и такого явного нетерпения, после таких ласковых уговоров, обетов, вздохов и слез, таких страстных писем, таких жарких уверений и бесконечных клятв, после таких бурных порывов и такого исступления (ведь его даже святые стены монастыря не остановили - так жаждал он завладеть доньей Эльвирой), не пойму я, как после всего этого у него хватит духу нарушить свое слово.

Сганарель. Мне-то нетрудно понять, и если бы ты знал этого молодца, ты бы нашел, что это для него дело вполне обычное. Я не говорю, что чувства его к донье Эльвире изменились, я еще

сам в этом не убедился. Ты ведь знаешь, что я по его приказанию уехал раньше него, а со времени своего приезда он со мной еще не разговаривал, но на всякий случай я тебе inter nos² скажу, что мой господин Дон Жуан - это величайший из всех злодеев, каких когда-либо носила земля, чудовище, собака, дьявол, турок, еретик, который не верит ни в небо, ни в святых, ни в бога, ни в черта, который живет как гнусный скот, как эпикурейская свинья³, как настоящий Сарданапал⁴, не желающий слушать христианские поучения и считающий вздором все то, во что верим мы. Ты говоришь, что он женился на твоей госпоже? Будь уверен, что он бы и не то еще сделал ради своей страсти и заодно женился бы и на тебе, и на ее собаке, и на ее кошке. В брак ему ничего не стоит вступить: он пользуется им, как ловушкой, чтобы завлекать красавиц, он тебе на ком угодно женится. Дама ли, девица ли, горожанка ли, крестьянка ли, - он ни одной не побрезгает, и если бы я стал называть тебе всех тех, на ком он женился в разных местах, то список можно было бы читать до вечера. Ты удивлен, ты побледнел от моих слов, а ведь я только в общих чертах обрисовал тебе его, - чтобы закончить этот портрет, нужно было бы еще как следует поработать кистью. Словом, кара небесная когда-нибудь непременно его постигнет, мне же лучше было бы служить у самого дьявола, чем у него: мне приходится видеть столько мерзостей, что я бы рад был, если б он сквозь землю провалился. Когда знатный господин еще и дурной человек, то это ужасно: я должен сохранять ему верность, хотя мне и невтерпеж. Быть усердным меня заставляет только страх, он сдерживает мои чувства и вынуждает одобрять то, что противно моей душе. Вот он разгуливает по дворцу, разойдемся. Постой, я был с тобой откровенен, как-то невольно я тебе все сразу выложил, но если что-нибудь до него дойдет, я прямо так и скажу, что ты соврал.

ЯВЛЕНИЕ II

Дон Жуан, Сганарель.

Дон Жуан. Что это за человек разговаривал с тобой? По-моему он похож на добряка Гусмана, слугу доньи Эльвиры.

Сганарель. Да, что-то в этом роде.

Дон Жуан. Как? Это он?

Сганарель. Он самый.

Дон Жуан. И давно он в этом городе?

Сганарель. Со вчерашнего вечера.

Дон Жуан. А что привело его сюда?

Сганарель. Полагаю, вам должно быть ясно, что его тревожит.

Дон Жуан. Наверно, наш отъезд?

Сганарель. Бедняга совершенно убит и спрашивал меня, в чем тут причина.

Дон Жуан. И что же ты ему ответил?

Сганарель. Что вы мне ничего не говорили.

Дон Жуан. Ну, а сам-то ты что об этом думаешь? В чем тут, по-твоему, дело?

Сганарель. По-моему? Да я думаю, не в укор вам будь сказано, что у вас уже новая любовь на уме.

Дон Жуан. Ты так думаешь?

Сганарель. Да.

Дон Жуан. Честное слово, ты не ошибся: должен тебе признаться, что мысли мои поглощены не доньей Эльвирой, а другой.

Сганарель. Господи боже, моего Дон Жуана я знаю насквозь! Мне хорошо известно, что нет сердца более непостоянного, чем ваше: ему нравится то и дело менять одни узы на другие, и не любит оно оставаться на месте.

Дон Жуан. А скажи, разве я, по-твоему, поступаю неправильно?

Сганарель. Эх, сударь!..

Дон Жуан. Ну что? Говори.

Сганарель. Разумеется, правильно, если вам так угодно, - тут возразить нечего. Но если бы вам так не было угодно, то, пожалуй, и дело было бы совсем другое.

Дон Жуан. Да ты можешь говорить свободно и не скрывать, что у тебя на душе.

Сганарель. Ежели так, сударь, то я вам прямо скажу, что не по сердцу мне ваш образ действий и что, по-моему, очень это скверно - влюбляться в первую встречную, как это делаете вы.

Дон Жуан. Как! Ты хочешь, чтобы мы связывали себя с первым же предметом нашей страсти, чтобы ради него мы отреклись от света и больше ни на кого и не смотрели? Превосходная затея - поставить себе в какую-то мнимую заслугу верность, навсегда похоронить себя ради одного увлечения и с самой юности умереть для всех других красавиц, которые могут поразить наш взор! Нет, постоянство годится только для чудаков. Любая красавица вольна очаровывать нас, и преимущество первой встречи не должно отнимать у остальных те законные права, которые они имеют на наши сердца. Меня, например, красота восхищает всюду, где бы я ее ни встретил, и я легко поддаюсь тому нежному насилию, с которым она увлекает нас. Пусть я связан словом, однако чувство, которое я испытываю к одной красавице, не заставляет меня быть несправедливым к другим: у меня по-прежнему остаются глаза, чтобы замечать достоинства всех прочих, и каждой из них от меня - дань и поклонение, к которым нас обязывает природа. Как бы то ни было, сердце мое не может не принадлежать всему тому, что ласкает взгляд, и едва лишь хорошенькое личико попросит меня отдать ему сердце, я, будь у меня даже десять тысяч сердец, готов отдать их все. В самом деле: зарождающееся влечение таит в себе неизъяснимое очарование, и вся прелесть любви - в переменах. Это так приятно - всевозможными знаками внимания покорять сердце молодой красавицы, видеть, как с каждым днем ты все ближе к цели, побеждать порывами своего чувства, вздохами и слезами невинную стыдливость души, которая не хочет слагать оружие, шаг за шагом преодолевать мелкие преграды, которые она ставит нам, побеждать щепетильность, в которой она видит свою заслугу, и незаметно вести ее туда, куда ты стремишься ее привести! Но когда ты своего достиг, когда уже нечего ни сказать, ни пожелать, то вся прелесть страсти исчерпана, и ты засыпаешь в мирном спокойствии этой любви, если только что-нибудь новое не разбудит вновь наши желания и не соблазнит твое сердце чарующей возможностью новой победы. Словом, нет ничего более сладостного, чем одержать верх над красавицей, которая сопротивляется, и у меня на этот счет честолюбие завоевателя, который всегда летит от победы к победе и не в

силах положить предел своим вожделениям. Ничто не могло бы остановить неистовство моих желаний. Сердце мое, я чувствую, способно любить всю землю, и я, подобно Александру Македонскому, желал бы, чтобы существовали еще и другие миры, где бы мне можно было продолжить мои любовные победы.

Сганарель. Боже ты мой, до чего складно все у вас получается! Словно наизусть выучили, говорите будто по книжке.

Дон Жуан. Что ты можешь сказать на это?

Сганарель. Да могу сказать... Не знаю, что и сказать, - вы так оборачиваете дело, что кажется, будто вы правы, а между тем не подлежит сомнению, что вы не правы. Мне приходили в голову превосходные мысли, а от ваших речей они все перемешались. На сей раз пусть так и останется, а к следующему разу я мои доводы запишу, - вот тогда я с вами и поспорю.

Дон Жуан. Прекрасно сделаешь.

Сганарель. Но только, сударь, позвольте ли вы мне и тогда сказать вам, что меня отчасти смущает тот образ жизни, который вы ведете?

Дон Жуан. Какой же, по-твоему, образ жизни я веду?

Сганарель. Очень даже хороший. Но вот, например, смотреть, как вы каждый месяц снова женитесь...

Дон Жуан. Что же может быть более приятного?

Сганарель. Так-то оно так, я понимаю, что это весьма приятно и занимательно, я и сам бы от этого не отказался, если бы не было тут греха, а между тем, сударь, так смеяться над священным таинством и...

Дон Жуан. Ну, ну, довольно! Это дело неба и мое, мы уж в нем как-нибудь разберемся и без твоей помощи.

Сганарель. Ей-богу, сударь, мне часто приходилось слышать, что шутки с небом - плохие шутки и что вольнодумцы никогда не кончают добром.

Дон Жуан. Замолчи, глупец! Ты же знаешь, что я не люблю, когда мне читают наставления.

Сганарель. Да я и не для вас все это говорю, боже меня упаси. Вы-то знаете, что делаете, и если уж вы ни во что не верите, так у вас на то есть свои основания, но бывают на свете такие наглецы, которые распутничают неизвестно для чего и строят из себя вольнодумцев, потому что полагают, будто это им к лицу. И вот если бы у меня господин был такой, я бы ему прямо в глаза сказал: "Да как вы смеете шутить с небом, как вы не боитесь издеваться над всем, что есть самого священного? Это вы-то, жалкий червь, ничтожная букашка (так я говорю тому самому господину), это вы-то затеяли обратить в посмешище все то, что другие люди почитают? Или, может, вы думаете, что если вы знатного рода, что если у вас белокурый, искусно завитой парик, шляпа с перьями, платье, шитое золотом, да ленты огненного цвета (я не вам все это говорю, а тому, другому), может, вы думаете, что вы от этого умней, что все вам позволено и никто не смеет вам правду сказать? Узнайте же от меня, от своего слуги, что рано или поздно небо карает безбожников, что дурная жизнь приводит к дурной смерти и что..."

Дон Жуан. Довольно!

Сганарель. О чем мы с вами говорили?

Дон Жуан. О том, что некая красавица пленила мое сердце, и я, прельщенный ее чарами, отправился за ней сюда.

Сганарель. И вам, сударь, не страшно, что вы тут полгода назад убили командораб?

Дон Жуан. А чего мне бояться? Разве я не по всем правилам его убил?

Сганарель. По всем правилам, сударь, как нельзя лучше, - жаловаться ему не на что.

Дон Жуан. По этому делу я был помилован.

Сганарель. Так-то оно так, но все же вряд ли это помилование успокоило родственников и друзей, и...

Дон Жуан. О, не будем думать о злоключениях, которые могут нас постигнуть, будем думать лишь о том, что может доставить нам удовольствие! Особа, о которой я тебе рассказывал, просто очаровательна; привез ее сюда тот самый человек, за которого она должна здесь выйти замуж, а я эту чету влюбленных случайно встретил дня за три или за четыре до их путешествия. Я еще никогда не видел, чтобы два человека были так довольны друг другом и выказывали друг другу больше любви. Нежные проявления их взаимного пыла взволновали меня, они поразили мое сердце, и любовь моя началась с ревности. Да, мне было невыносимо смотреть на то, как им хорошо вдвоем, досада распалила во мне желание, и я представил себе, какое это будет для меня наслаждение, если я смогу нарушить их согласие и разорвать эти узы, оскорблявшие мою чувствительную душу, однако до сих пор все мои усилия были тщетны, и я прибегаю уже к крайнему средству. Будущий супруг устраивает нынче для своей возлюбленной морскую прогулку. Я тебе пока ничего не говорю, а ведь все уже готово для того, чтобы моя любовь восторжествовала: я раздобыл лодку и подговорил людей, которые без труда похитят красавицу.

Сганарель. А, сударь!..

Дон Жуан. Что еще?

Сганарель. Все складывается очень удачно для вас, вы действуете решительно. Нет ничего лучше, как жить в свое удовольствие.

Дон Жуан. Словом, ты отправишься со мной и захватишь все мое оружие, чтобы нам... (Замечая донью Эльвиру.) Ах, какая досадная встреча! Мошенник, ты почему мне не сказал, что и она здесь?

Сганарель. Вы, сударь, меня об этом не спрашивали.

Дон Жуан. Она совсем с ума сошла, даже не переделась и явилась сюда в дорожном платье.

ЯВЛЕНИЕ III

Донья Эльвира, Дон Жуан, Сганарель.

Донья Эльвира. Собогадите ли вы узнать меня, Дон Жуан? Могу ли я по крайней мере надеяться, что вы соизволите посмотреть в мою сторону?

Дон Жуан. Признаюсь, сударыня, я удивлен, я не ожидал вас здесь встретить.

Донья Эльвира. Да, я вижу, что вы меня не ждали и что вы в самом деле удивлены, но только совсем не так, как я надеялась, и само ваше удивление окончательно убеждает меня в том, чему я до сих пор отказывалась верить. Поражаюсь собственной простоте и слабости моего сердца: оно все еще сомневалось в измене, когда у него было уже столько доказательств! Я была так добра или, сознаюсь, так глупа, что хотела сама себя обмануть и старалась разубедить свои же глаза и свой разум. Я искала доводов, чтобы оправдать то охлаждение, которое моя нежность почувствовала в вас, и сама придумывала сотни благовидных причин для вашего поспешного отъезда, только бы вы были чисты от преступления, в котором мой рассудок вас обвинял. Напрасно мои справедливые подозрения каждый день твердили мне одно и то же, - я не слушала их голоса, называвшего вас преступником, и с наслаждением прислушивалась к множеству нелепых измышлений, которые невинным рисовали вас моему сердцу. Но прием, оказанный мне, уже не оставляет сомнений, а во взгляде, которым вы меня встретили, я прочла гораздо больше, чем хотела бы узнать. Все же я была бы весьма не прочь услышать из ваших уст о причине вашего отъезда. Говорите же, Дон Жуан, прошу вас, - посмотрим, как вам удастся оправдаться.

Дон Жуан. Сударыня, вот перед вами Сганарель, он знает, почему я уехал.

Сганарель (Дон Жуану, тихо). Я, сударь? Я, с вашего позволения, ничего не знаю.

Донья Эльвира. Говорите вы, Сганарель. Мне все равно, от кого я об этом услышу.

Дон Жуан (делая Сганарелю знак приблизиться). Ну, рассказывай!

Сганарель (Дон Жуану, тихо). Да что я должен говорить?

Донья Эльвира. Подойдите же, раз вам велят, и объясните мне причину такого стремительного отъезда.

Сганарель (Дон Жуану, тихо). Мне нечего сказать. Вы ставите вашего слугу в дурацкое положение.

Дон Жуан. Ты будешь говорить или нет?

Сганарель. Сударыня...

Донья Эльвира. Что?

Сганарель (поворачиваясь к своему господину). Сударь...

Дон Жуан (грозит ему). Если ты...

Сганарель. Сударыня! Завоеватели, Александр Македонский⁵ и другие миры вот причина нашего отъезда. Это, сударь, все, что я могу сказать.

Донья Эльвира. Быть может, Дон Жуан, вы откроете мне эти необыкновенные тайны?

Дон Жуан. Сударыня, сказать по правде...

Донья Эльвира. Вы - придворный, и так плохо умеете защищаться! Ведь для вас это должно быть делом привычным. Вы так смущены, что на вас тяжело смотреть. Почему бы вам не напустить на себя благородное бесстыдство? Почему вы не клянетесь мне, что полны ко мне все тех же чувств, что по-прежнему любите меня необычайно пылко и что только смерть

может разлучить вас со мной? Почему вы не говорите мне, что дела величайшей важности заставили вас уехать, не предупредив меня, что вам волей-неволей придется пробыть здесь еще некоторое время, а мне надлежит вернуться домой в полной уверенности, что вы последуете за мною при первой возможности, что вы, конечно, горите желанием соединиться со мной и что вдали от меня вы страдаете так же, как страдает тело, с которым рассталась душа? Вот как вам надо бы защищаться, а не стоять передо мной в замешательстве!

Дон Жуан. Признаюсь, сударыня, я не обладаю даром притворства, я человек прямодушный. Я не стану вам говорить, что полон к вам все тех же чувств и горю желанием соединиться с вами, ибо ясно и так, что раз я уехал, значит я намеревался покинуть вас, хотя и вовсе не по тем причинам, которые вы, быть может, воображаете: так мне подсказывала совесть, я уже не мог себя уверить, будто и впредь могу жить с вами, не впадая в грех. Во мне зародились сомнения, сударыня, у души моей раскрылись глаза на то, что я творю. Я подумал о том, что ради женитьбы я похитил вас из монастыря, что вы нарушили обеты, связывавшие вас, и что небо весьма ревниво относится к таким вещам. Меня охватило раскаяние, мне стало страшно гнева небес. Я решил, что наш брак есть не что иное, как скрытое прелюбодеяние, что он навлечет на нас какую-нибудь кару свыше и что мне в конце концов надо постараться вас забыть и дать вам возможность вернуться к вашим прежним оковам. Неужели же вы, сударыня, будете противиться такому благочестивому намерению, неужели вы заставите меня удерживать вас и ссориться из-за этого с самим небом? Неужели...

Донья Эльвира. Ах, злодей! Теперь я вполне поняла тебя, но, на свое несчастье, слишком поздно, - от этого сознания мне будет только еще тяжелее. Но знай, что преступление твое не останется безнаказанным, и небо, над которым ты глумишься, отомстит тебе за твое вероломство.

Дон Жуан. Слышишь, Сганарель? Небо!

Сганарель. Не на таких напали, нам-то это хоть бы что!

Дон Жуан. Сударыня...

Донья Эльвира. Довольно! Я ничего больше не хочу слушать и даже виню себя, что выслушала слишком много. Это малодушие - позволять, чтобы тебе еще объяснили твой позор. Слушая такие речи, благородное сердце с первого же слова должно принять твердое решение. Не жди, чтобы я разразилась упреками и проклятиями, - нет, нет, гнев мой не таков, чтобы изливаться в пустых словах, вся ярость моя сохранится для мести. Говорю тебе еще раз: небо накажет тебя, вероломный, за то зло, которое ты мне причинил, а если небо тебе ничуть не страшно, то страшись гнева оскорбленной женщины.

ЯВЛЕНИЕ IV

Дон Жуан, Сганарель.

Сганарель (в сторону). Если бы в нем могла заговорить совесть!

Дон Жуан (после краткого раздумья). Теперь подумаем о том, как нам осуществить нашу любовную затею.

Сганарель (один). Ах, какому ужасному господину я должен служить!

Действие второе

СЦЕНА ПРЕДСТАВЛЯЕТ МЕСТНОСТЬ НА БЕРЕГУ МОРЯ

ЯВЛЕНИЕ I

Шарлотта, Пьеро.

Шарлотта. Просто счастье, Пьеро, что ты оказался тут как тут.

Пьеро. Да, черт их возьми, еще бы немножко - и они бы оба потонули, как пить дать.

Шарлотта. Стало быть, это утренним ветром их в море опрокинуло?

Пьеро. Да ты погоди, Шарлотта, я тебе как есть все с начала и расскажу: я-то ведь, как говорится, их первый увидал, увидал-то их первый я. Были это мы с толстым Лукой, он да я, на берегу моря и забавлялись да баловались с ним: бросали в голову друг дружке комья грязи. Ты ведь знаешь, толстый Лука охотник до всякого баловства, а я, право слово, тоже баловник. Вот мы баловались, баловались, и вижу это я, будто вдалеке что-то в воде барахтается и этакими рывками к нам плывет. Я это видел хорошо, а потом вдруг вижу, что ничего не вижу. "Эй, Лука, - говорю, - кажется мне, народ там плавает". - "Ишь чего, - говорит он мне, - кошка тебе в глаза наплевала, мутится у тебя в глазах". - "Вот те крест, - говорю, - не мутится у меня в глазах, это люди". - "А вот и нет, - говорит, - у тебя бельмо". - "Давай об заклад побьемся, - говорю, - нет у меня бельма, - говорю, - а это два человека, - говорю, - плывут прямехонько сюда", - говорю. - "Черт, - говорит он мне, - бьюсь об заклад, что нет". - "Ну, - говорю, - хочешь биться на десять су?" - "Ладно, - говорит, - и вот тебе деньги на кон", - говорит. Я с ума не сошел, головы не потерял, а взял да и бросил на землю четыре су парижских⁷, да еще пять туренских полушками, - вот ей-ей, одним махом, как стакан вина выпить! Я ведь человек отчаянный и уж ни на что не посмотрю, но тут-то я знал, что делал. Мне пальца в рот не клади! Не успел я и деньги-то на кон поставить, а уж вижу, как на ладони: два человека, и зовут на помощь, и тут я сразу стал собирать заклад. "Ну, Лука, - говорю, - вишь ты, нас зовут, давай живо к ним". - "Нет, - говорит, - я из-за них деньги проиграл". Ну, тут уж я стал его стыдить да выговаривать ему, - худо ли, хорошо ли, а кончилось тем, что сели мы с ним в лодку и с грехом пополам вытащили их из воды, а потом отвел я их домой к огню, и тут они догола разделись и сушиться стали, а потом набежало еще двое из той же шайки, только те сами спаслись, а потом Матюрина пришла, а с ней они перемигиваться стали. Вот оно, Шарлотта, какое дело, как оно все случилось.

Шарлотта. Ты, Пьеро, помнится, говорил мне, будто один из них получше будет.

Пьеро. Да, то хозяин. Он, верно, знатный, важный такой господин, платье у него сверху донизу все в золоте, и те, что в слугах у него, сами господа настоящие, а хоть и важный он господин, а потонул бы как пить дать, кабы я той порой не подоспел.

Шарлотта. Скажи на милость!

Пьеро. Да, вот те крест, крышка бы ему, кабы не мы.

Шарлотта. Он все еще голый у тебя сидит, Пьеро?

Пьеро. АН нет, они его при нас опять разодели! Бог ты мой, никогда я не видывал, чтобы так одевались! Сколько там всего понакручено да понаверчено, пуговиц сколько всяких у этих господ придворных! Я бы во всем этом запутался, как увидел - глаза вылупил. Знаешь, Шарлотта, волосы у них такие, что на голове ке держатся, они их напяливают на себя, как колпак из кудели. На рубашках у них такие рукава, что мы с тобой, ты да я, целиком бы в них

залезли. Вместо штанов у них вроде как передник, а уж велик, что твой великий пост; вместо камзола кацавеечки какие-то, и не доходят даже до пупа, а вместо воротничка большой шейный платок, сетчатый и с четырьмя большущими кистями из полотна, свисают они им прямо на живот. А еще у них воротнички, совсем маленькие, на рукавах, а на ногах - бочки целые, обшитые позументом, и повсюду столько лент, столько лент, что просто жалость. Даже башмаки - и там понатыкано лент с одного конца до другого, и так они устроены, что я бы в них шею сломал.

Шарлотта. Право слово, Пьеро, надо мне хоть пойти посмотреть.

Пьеро. Да ты сперва послушай, Шарлотта, мне тебе что-то надо сказать.

Шарлотта. Ну, что такое? Говори!

Пьеро. Вот какое дело, Шарлотта, надо мне, как говорится, душу тебе открыть. Я тебя люблю, ты ведь это знаешь, и я хочу на тебе жениться, но я, ей-богу, недоволен тобой.

Шарлотта. Это почему же?

Пьеро. А потому, что ты меня огорчаешь, верно говорю.

Шарлотта. Чем же это я тебя огорчаю?

Пьеро. Да вот не любишь ты меня.

Шарлотта. Ах, вот что! Только и всего?

Пьеро. Да, только и всего, и этого предостаточно.

Шарлотта. Господи, Пьеро, ты мне всегда одно и то же говоришь!

Пьеро. Я тебе всегда одно и то же говорю, потому у нас с тобой всегда одно и то же, а кабы не было всегда одно и то же, я бы тебе всегда одно и то же не говорил.

Шарлотта. Да чего тебе надо-то? Чего ты хочешь-то?

Пьеро. Черт возьми, я хочу, чтоб ты меня любила!

Шарлотта. А разве я тебя не люблю?

Пьеро. Нет, ты меня не любишь, а вот я-то все делаю, чтобы ты меня любила. Я без всяких разговоров покупаю тебе ленты у всех торговцев, которые к нам заходят, чуть шею себе не ломаю, а достаю тебе дроздов из гнезда, нанимаю скрипачей, чтобы играли на твои именины, - и все как об стену горох. Знаешь, Шарлотта, нехорошо это и нечестно - не любить людей, которые нас любят.

Шарлотта. Господи, да я ж тебя люблю!

Пьеро. Нечего сказать, хороша любовь!

Шарлотта. Да как же тебя еще-то любить прикажешь?

Пьеро. А так, как любят все люди, когда они взаправду любят.

Шарлотта. А я тебя не взаправду люблю?

Пьеро. Нет. Когда взаправду любят, так это всякому и видно, и чего только тут не вытворяют с людьми, если любят их от всего сердца! Погляди на Томасу-толстуху, что втюрилась в молодого Робена: все-то она вокруг него егозит, все-то его дразнит, никогда в покое не оставит. Пройдет мимо него всякий раз как-нибудь пошутит или подзатыльника ему даст, а то намедни сидел он на скамейке, так она ее вытащила из-под него - он во весь рост и растянулся на земле. Вот это любовь так любовь! А ты никогда словечка мне не скажешь, ровно пень какой-то. Я хоть двадцать раз перед тобою пройду, ты и с места не двинешься, чтоб меня шлепнуть или что сказать. Черт возьми, так не годится, уж очень ты бесчувственная!

Шарлотта. Уж какая есть. Такой у меня нрав, мне себя не переделать.

Пьеро. Нрав тут ни при чем. Когда кого любишь, всегда чем-нибудь это покажешь.

Шарлотта. Люблю я тебя сколько могу, а коли тебе этого мало, можешь полюбить другую.

Пьеро. Вот те на! Мне не этого надо. Да ты послушай, кабы ты меня любила, стала бы ты говорить такие вещи?

Шарлотта. А ты чего мне голову морочишь?

Пьеро. А, черт, да что я тебе дурного сделал? Я только прошу: будь со мной поласковее.

Шарлотта. Ну, так не трогай меня и не приставай. Может, оно само так вдруг и придет, когда мы перестанем об этом думать.

Пьеро. Ну, так ударим на этом по рукам, Шарлотта!

Шарлотта (дает ему руку). Ладно, идет.

Пьеро. Только обещаю, что ты постарайся любить меня побольше.

Шарлотта. Я-то постараюсь как могу, но только надо, чтобы оно само пришло. Это кто, Пьеро, тот самый господин, что ли?

Пьеро. Да, это он.

Шарлотта. Ах, боже мой, какой миленький! Что за жалость была бы, ежели бы он потонул!

Пьеро. Я сейчас ворочусь - пойду винца выпью, надо маленько оправиться от всех передраг.

ЯВЛЕНИЕ II

Дон Жуан, Сганарель; Шарлотта (в глубине сцены).

Дон Жуан. Мы потерпели неудачу, Сганарель: этот неожиданный шквал вместе с лодкой опрокинул и всю нашу затею. Но, по правде сказать, крестьянка, с которой я только что расстался, за все меня вознаградила, - она до того очаровательна, что я уже начинаю забывать об огорчении, которое мне доставил наш неуспех. Это сердечко не должно ускользнуть от меня, и я уже сумел так расположить его к себе, что мне недолго придется томиться и вздыхать.

Сганарель. Признаться, сударь, я вам дивлюсь. Только что нас миновала смертельная опасность, а вы, вместо того чтобы возблагодарить небо за милость, которую оно нам явило, вы

опять стараетесь навлечь на себя его гнев вашими всегдашними затеями и любовными...

Дон Жуан грозит ему.

Ну, довольно, мошенник ты этакий: ты сам не знаешь, что говоришь, а вот господин твой знает, что делает. Идемте!

Дон Жуан (заметив Шарлотту). Ого! Откуда же, Сганарель, взялась еще и эта крестьяночка? Посмотри, какая хорошенькая! Ведь правда, она не хуже первой?

Сганарель. Разумеется. (В сторону.) Новое дело!

Дон Жуан (Шарлотте). Чему я обязан, красавица, столь приятной встречей? Неужели в сельской местности, среди деревьев и скал, можно встретить особ, подобных вам?

Шарлотта. Как видите, сударь.

Дон Жуан. Вы из этой деревни?

Шарлотта. Да, сударь.

Дон Жуан. Вы там и живете?

Шарлотта. Да, сударь.

Дон Жуан. А как ваше имя?

Шарлотта. Шарлотта, с вашего позволения.

Дон Жуан. Ах, какая красивая! И какие глаза! Так в душу и смотрят.

Шарлотта. Сударь, мне просто стыдно.

Дон Жуан. О, пусть вам не будет стыдно - вам же говорят правду! Сганарель, что ты скажешь? Какая прелесть! Повернитесь, пожалуйста. Ах, какая изящная талия! Чуть-чуть выше голову, сделайте милость. Ах, какое миленькое личико! Откройте глаза пошире. Ах, как они хороши! Позвольте мне взглянуть на ваши зубки. Ах, какое очарование! А ваши губки так соблазнительны! Я в полном восторге, такой обворожительной особы я еще никогда не видел.

Шарлотта. Воля ваша, сударь, но только, может, вы смеетесь надо мной.

Дон Жуан. Мне над вами смеяться? Боже сохрани! Я слишком вас люблю, я говорю от чистого сердца.

Шарлотта. Премного вам благодарна, ежели так.

Дон Жуан. Не за что благодарить. За все, что я говорю, вы должны быть благодарны не мне, а только вашей красоте.

Шарлотта. Все это, сударь, для меня слишком красно сказано, у меня и ума-то не хватает ответить вам.

Дон Жуан. Сганарель, посмотри-ка на эти руки.

Шарлотта. Полно вам, сударь, они у меня черные как невесть что!

Дон Жуан. Да что вы! Таких рук ни у кого нет. Позвольте мне их поцеловать.

Шарлотта. Это мне, сударь, слишком много чести будет. Кабы я раньше знала, я бы их помыла с отрубями.

Дон Жуан. А скажите, прекрасная Шарлотта, вы ведь еще, наверное, не замужем?

Шарлотта. Нет, сударь, но скоро выйду за Пьеро, сына нашей соседки Симонетты.

Дон Жуан. Возможно ли! Такой особе, как вы, быть женой простого крестьянина! Нет, нет, это значило бы осквернить подобную красоту, вы рождены не для жизни в деревне. Вы достойны, несомненно, лучшей участи, и небо, которое это знает, как раз и привело меня сюда для того, чтобы я помешал этому браку и воздал должное вашим прелестям. Ведь я, прекрасная Шарлотта, люблю вас всем сердцем, так что от вас одной будет зависеть, чтобы я вырвал вас из этого убожества и помог вам занять положение, которого вы достойны. Моя любовь зародилась внезапно, не отрицаю, но ничего не поделаешь, Шарлотта: такова сила вашей несравненной красоты, - вас за четверть часа полюбишь так, как другую не полюбил бы и за полгода.

Шарлотта. Когда вы говорите, сударь, я, право, не знаю, как быть. То, что вы сказали, мне по сердцу, и я хотела бы вам верить, но мне всегда твердили, что господам верить нельзя и что вы, придворные, обманщики; у вас одно на уме: как бы обольстить девушку.

Дон Жуан. Я не из таких людей.

Сганарель (в сторону). Как же!

Шарлотта. Знаете ли, сударь, в этом мало хорошего, когда обманывают. Я бедная крестьянка, но честь берегу, и мне лучше умереть, чем потерять ее.

Дон Жуан. Неужели же у меня такая черная душа, что я способен обмануть такую особу, как вы? Неужели же я так низок, что обольщу вас? Нет, нет, совесть мне этого не позволит. Я вас люблю, Шарлотта, искренно и беззаветно, и, чтобы вы поняли, что я говорю правду, знайте: у меня нет другого намерения, как жениться на вас. Вам требуется еще более убедительное доказательство? Я готов жениться, когда вам будет угодно, а в свидетели обещания, которое я вам даю, беру вот этого человека.

Сганарель. Да, да, не бойтесь: он женится на вас сколько вам угодно.

Дон Жуан. Ах, Шарлотта, вижу я, что вы меня еще не знаете! Вы очень несправедливы ко мне, если обо мне судите по другим. Может быть, и есть на свете обманщики, которые только и думают, как бы обольстить девушку, но меня вы должны исключить из их числа и не подвергать сомнению искренность моих слов; да к тому же ваша красота порукой вам во всем. При такой наружности, как у вас, не должно быть и места для подобных опасений. Верьте мне, вы не похожи на особу, которую можно обмануть, а что до меня, то клянусь вам, я тысячу раз пронзил бы свое сердце, если б только у меня мелькнула мысль изменить вам.

Шарлотта. Господи! Не знаю, правду вы говорите или неправду, а получается так, что вам веришь.

Дон Жуан. Если вы мне поверите, вы только отдадите мне должное. Итак, я вновь обращаюсь к вам с тем же самым предложением. Вы его принимаете? Вы согласитесь стать моей женой?

Шарлотта. Да, только бы тетка моя согласилась.

Дон Жуан. Так по рукам, Шарлотта, раз вы сами на это согласны!

Шарлотта. Только, сударь, я вас прошу: вы уж меня не обманите, это был бы на вашей душе грех, вы сами видите, какая я доверчивая.

Дон Жуан. Что? Вы словно еще сомневаетесь в моей искренности! Хотите, я принесу самые страшные клятвы? Пусть небо...

Шарлотта. Господи, да не клянитесь! Я вам и так верю.

Дон Жуан. Поцелуйте же меня разок в знак вашего согласия!

Шарлотта. Ах, сударь, подождите, пожалуйста, пока мы поженимся! А тогда я буду целовать вас сколько вам будет угодно.

Дон Жуан. Ну что ж, прекрасная Шарлотта, мне угодно все, что угодно вам. Дайте мне только вашу руку и позвольте тысячью поцелуев выразить то восхищение...

ЯВЛЕНИЕ III

Дон Жуан, Сганарель, Пьеро, Шарлотта.

Пьеро (толкает Дон Жуана, целующего руку Шарлотте). Но, но, сударь, сделайте милость, подальше! Вы уж больно распалились, как бы не схватить вам воспаление.

Дон Жуан (грубо отталкивает Пьеро). Это еще что за наглец?

Пьеро (становится между Дон Жуаном и Шарлоттой). Подальше, говорят вам, не приставайте к нашим невестам!

Дон Жуан (снова отталкивает Пьеро). Чего он раскричался ?

Пьеро. Вот черт, кто ж так толкается?

Шарлотта (берет Пьеро за руку). Пусть его, Пьеро!

Пьеро. Как это пусть? Я не позволю.

Дон Жуан. Ого!

Пьеро. Черт возьми! Раз вы господин, стало быть, вам можно приставать к нашим бабам у нас под носом? Нет уж, идите приставайте к своим.

Дон Жуан. Что?

Пьеро. Ничего.

Дон Жуан дает ему пощечину.

Черт возьми, вы меня не бейте!

Еще пощечина.

Ох, черт побери!

Еще пощечина.

Черт подери!

Еще пощечина.

Черт раздери! Черт разорви! Не годится это - бить людей, не так надо благодарить людей за то, что вам не дали утонуть.

Шарлотта. Не сердись, Пьеро!

Пьеро. Нет, буду сердиться, а ты - негодница, коли позволяешь, чтоб за тобой увивались.

Шарлотта. Ах, Пьеро, это не то, что ты думаешь! Этот господин хочет на мне жениться, и тебе нечего выходить из себя.

Пьеро. Как так? Еще чего! Ты же со мной помолвлена.

Шарлотта. Что за беда? Коли ты меня любишь, Пьеро, ты должен радоваться, что я стану важной дамой.

Пьеро. Ну нет, черта с два! По мне, лучше бы ты околела, чем вышла замуж за другого.

Шарлотта. Ладно, ладно, Пьеро, не горюй. Если стану я важной дамой, ты на этом тоже выгадаешь: будешь носить нам на продажу масло и сыр.

Пьеро. Черт подери, ни за что не буду носить, хоть бы ты платила в два раза дороже! Стало быть, уж он тебе напел в уши! Черт побери! Кабы я раньше знал, ни за что бы не стал тащить его из воды, а хватил бы хорошенько веслом по голове.

Дон Жуан (приближается к Пьеро, чтобы его ударить). Что ты сказал?

Пьеро (прячется за Шарлотту). Черт подери! Я никого не боюсь.

Дон Жуан (идет к Пьеро). Ну погоди!

Пьеро (перебегает на другую сторону). А мне на тебя наплевать.

Дон Жуан (бежит за Пьеро). Это мы посмотрим.

Пьеро (опять прячется за Шарлотту). Видали таких!

Дон Жуан. Ого!

Сганарель. Ах, сударь, оставьте вы этого беднягу! Грех вам его бить. (Становится между Пьеро и Дон Жуаном. Обращаясь к Пьеро.) Послушай, добрый человек, уходи ты отсюда и ничего не говори.

Пьеро (проходит мимо Сганареля и гордо смотрит на Дон Жуана). Я ему все-таки скажу.

Дон Жуан (поднимает руку, чтобы дать пощечину Пьеро). Ну, так я тебя проучу!

Пьеро наклоняет голову, и пощечину получает Сганарель.

Сганарель (смотрит на Пьеро). Ну и плут! Дон Жуан (Сганарелю). Вот ты и поплатился за свою отзывчивость.

Пьеро. Пойду расскажу ее тетке про все эти дела.

ЯВЛЕНИЕ IV

Дон Жуан, Шарлотта, Сганарель,

Дон Жуан (Шарлотте). Итак, скоро я буду счастливейшим из людей, и нет такой вещи на свете, на которую я променял бы свое счастье. Сколько меня ожидает наслаждений, когда вы станете моей женой и когда...

ЯВЛЕНИЕ V

Дон Жуан, Матюрина, Шарлотта, Сганарель.

Сганарель (заметив Матюрину). Ох! Ох!

Матюрина (Дон Жуану). Сударь, что это вы там делаете с Шарлоттой? Может, вы ей тоже про любовь толкуете?

Дон Жуан (Матюрине, тихо). Нет. Напротив, это она выражает желание стать моей женой, а я ей ответил, что связан словом с вами.

Шарлотта (Дон Жуану). Чего это Матюрине надобно от вас?

Дон Жуан (Шарлотте, тихо). Ее ревность берет, что я разговариваю с вами. Ей хотелось бы, чтоб я женился на ней, но я ей сказал, что люблю вас.

Матюрина. Как же так? Шарлотта...

Дон Жуан (Матюрине, тихо). С ней говорить бесполезно: она вбила это себе в голову.

Шарлотта. Что такое? Матюрина...

Дон Жуан (Шарлотте, тихо). Не стоит вам с ней разговаривать: вы все равно ничего не поделаете с этой блажью.

Матюрина. Да разве...

Дон Жуан (Матюрине, тихо). Ей невозможно втолковать.

Шарлотта. Я бы хотела...

Дон Жуан (Шарлотте, тихо). Она упряма, как сто чертей.

Матюрина. А все-таки...

Дон Жуан (Матюрине, тихо). Ничего не говорите ей: она сумасшедшая.

Шарлотта. Я думаю...

Дон Жуан (Шарлотте, тихо). Не трогайте ее, она со странностями.

Матюрина. Нет, нет, мне надо с ней поговорить.

Шарлотта. Хочу узнать, что же у нее на уме.

Матюрина. Как же так?..

Дон Жуан (Матюрине, тихо). Бьюсь об заклад, она вам скажет, что я обещал на ней жениться.

Шарлотта. Я...

Дон Жуан (Шарлотте, тихо). Ручаюсь вам, она будет утверждать, что я дал слово взять ее в жены.

Матюрина. Эй, Шарлотта, не годится это - перебежать другим дорогу!

Шарлотта. Нехорошо это, Матюрина, ревновать из-за того, что сеньор со мной разговаривает!

Матюрина. Меня сеньор увидел первую.

Шарлотта. Если тебя он увидел первую, зато меня увидел вторую и обещал на мне жениться.

Дон Жуан (Матюрине, тихо). А что я вам говорил?

Матюрина (Шарлотте). Ну уж это извини, - он на мне, а не на тебе обещал жениться.

Дон Жуан (Шарлотте, тихо). Разве я не угадал?

Шарлотта. Другим, пожалуйста, рассказывай, а я говорю, что на мне.

Матюрина. Не изволь дурачиться, - еще раз говорю, на мне.

Шарлотта. Да вот он тут сам, - пусть скажет, коли я не права.

Матюрина. Вот он тут сам, - коли я лгу, пусть говорит.

Шарлотта. Обещали вы ей, сударь, жениться на ней?

Дон Жуан (Шарлотте, тихо). Вы смеетесь надо мной!

Матюрина. Правда ли, сударь, что вы дали ей слово взять ее в жены?

Дон Жуан (Матюрине, тихо). Как это вам могло прийти в голову?

Шарлотта. Ты видишь, он подтверждает.

Дон Жуан (Шарлотте, тихо). Пусть ее говорит, что хочет.

Матюрина. Будь свидетельницей: он признает мою правоту.

Дон Жуан (Матюрине, тихо). Пусть говорит, что ей нравится.

Шарлотта. Нет, нет, надо узнать всю правду.

Матюрина. Это дело надо выяснить.

Шарлотта. Да, Матюрина, я хочу, чтобы сеньор посбавил тебе спеси.

Матюрина. А я, Шарлотта, хочу, чтобы сеньор дал тебе как следует по носу.

Шарлотта. Пожалуйста, сударь, разрешите наш спор.

Матюрина. Рассудите нас, сударь.

Шарлотта (Матюрине). Сейчас увидим.

Матюрина (Шарлотте). Сейчас сама увидишь.

Шарлотта (Дон Жуану). Ну, скажите!

Матюрина (Дон Жуану). Ну, говорите!

Дон Жуан. Что же мне вам сказать? Вы обе утверждаете, что я обещал жениться на вас обеих. Разве каждой из вас неизвестно, как обстоит дело, и разве нужно, чтобы я еще что-то объяснял? Почему я должен повторяться? Той, которой я на самом деле дал обещание, - разве ей этого недостаточно, чтобы посмеяться над речами своей соперницы, и стоит ли ей беспокоиться, раз я исполню свое обещание? От речей дело вперед не двигается. Надо действовать, а не говорить, дела решают спор лучше, чем слова. Только так я и собираюсь рассудить вас, и когда я женюсь, все увидят, которая из вас владеет моим сердцем. (Матюрине, тихо.) Пусть думает, что хочет. (Шарлотте, тихо.) Пусть себе воображает. (Матюрине, тихо.) Я обожаю вас. (Шарлотте, тихо.) Я весь ваш. (Матюрине, тихо.) Рядом с вами все женщины кажутся дурнушками. (Шарлотте, тихо.) После вас ни на кого не хочется смотреть. (Громко.) Мне надо отдать кое-какие распоряжения, через четверть часа я к вам вернусь.

ЯВЛЕНИЕ VI

Шарлотта, Матюрина, Сганарель.

Шарлотта (Матюрине). Он любит меня - это уж точно.

Матюрина (Шарлотте). Он женится на мне.

Сганарель (останавливает Шарлотту и Матюрину). Ах, бедные вы девушки! Жалко мне смотреть, какие вы простодушные, и нет сил глядеть, как вы сами же и стремитесь к своей гибели. Поверьте мне обе: не слушайте вы сказок, которыми он вас кормит, и оставайтесь-ка у себя в деревне.

ЯВЛЕНИЕ VII

Дон Жуан, Шарлотта, Матюрина, Сганарель.

Дон Жуан (в глубине сцены, в сторону). Хотел бы я знать, почему Сганарель не пошел за мной.

Сганарель. Господин мой - обманщик, в мыслях у него одно - как бы вас провести, а сколько девушек он уже провел! Он на всех готов жениться, и... (Заметив Дон Жуана.) Но это неправда, и если кто вам это скажет, вы скажите ему, что он врет. Мой господин вовсе не на всех готов жениться, он вовсе не обманщик, у него и в мыслях нет того, чтоб вас провести, он никого не обманывал. А, да вот и он. Вы лучше у него самого спросите.

Дон Жуан (глядя на Сганареля и заподозрив его в том, что он что-то про него сказал). Да-а!

Сганарель. Сударь, свет злоречив, и я хотел их предупредить: если, мол, кто-нибудь скажет о вас плохое, то пусть они ему не верят и непременно пусть скажут, что он врет.

Дон Жуан. Сганарель!

Сганарель (Шарлотте и Матюрине). Да, мой господин - человек порядочный, я в том ручаюсь.

Дон Жуан. Гм!

Сганарель. Это все наглецы на него...

ЯВЛЕНИЕ VIII

Дон Жуан, Шарлотта, Матюрина, Сганарель.

Ла Раме (Дон Жуану, тихо). Сударь, я пришел вас предупредить: вам здесь оставаться опасно.

Дон Жуан. Почему?

Ла Раме. Вас ищут двенадцать всадников: они вот-вот прискачут сюда. Не знаю, как они могли выследить вас, но эту новость я узнал от одного крестьянина, - они его спрашивали и описали ему вашу наружность. Время не терпит, чем скорее вы отсюда удалитесь, тем лучше будет для вас.

ЯВЛЕНИЕ IX

Дон Жуан, Шарлотта, Матюрина, Сганарель.

Дон Жуан (Шарлотте и Матюрине). Я должен уехать по неотложному делу, но я прошу вас помнить мое обещание и не сомневаться, что .вы получите обо мне известие не позже завтрашнего вечера.

ЯВЛЕНИЕ X

Дон Жуан, Сганарель.

Дон Жуан. Силы тут неравные, надо прибегнуть к хитрости, чтобы отворотить несчастье, готовое меня настичь. Я хочу, чтобы Сганарель оделся в мое платье, а я...

Сганарель. Нет, сударь, слуга покорный! Подвергать себя риску, чтоб меня убили в вашем платье, и...

Дон Жуан. Живо! Я вам еще оказываю большую честь. Счастлив тот слуга, которому дано погибнуть славной смертью за своего господина.

Сганарель. Благодарю вас за такую честь. (Один.) О боже! Если уж пришла моя смерть, яви мне по крайней мере такую милость: пусть меня не принимают за другого!

Действие третье

СЦЕНА ПРЕДСТАВЛЯЕТ ЛЕС

ЯВЛЕНИЕ I

Дон Жуан в одежде крестьянина; Сганарель в одежде доктора.

Сганарель. Ну, согласитесь же, сударь, что я был прав и что мы теперь оба переоделись на славу. Ваш первый план был очень неудачен, а эта одежда скрывает нас гораздо лучше, чем все то, что вы тогда затевали.

Дон Жуан. Да ты и вправду хорош - уж не знаю, где это ты выкопал такой нелепый наряд.

Сганарель. Где? Это платье одного старого доктора, оставленное под заклад там, где я его и взял, и стоило мне оно немало денег. И знаете, сударь, это платье мне уже придало весу, встречные кланяются мне и спрашивают совета, как у человека сведущего.

Дон Жуан. Вот что?

Сганарель. Когда я шел по улице, человек пять-шесть крестьян и крестьянок просили у меня советов насчет разных болезней.

Дон Жуан. И ты им сказал, что ничего в этом не смыслишь?

Сганарель. Я? Ничуть не бывало. Я решил поддержать честь моей одежды. Я порассуждал об их болезнях и каждому прописал рецепт.

Дон Жуан. Какие же ты лекарства им прописал?

Сганарель. Ей-богу, сударь, все лекарства, какие только мне приходили в голову. Рецепты я прописывал наобум, - вот было бы забавно, если бы мои больные поправились и пришли меня благодарить!

Дон Жуан. А почему бы и нет? На каком основании тебе не пользоваться привилегиями, какие есть у всех прочих докторов? Когда больные выздоравливают, доктора имеют к этому такое же отношение, как ты; все их искусство - чистейшее кривлянье. Они только пожинаяют славу счастливых случаев, и ты можешь, так же как они, обращать в свою пользу удачу больного и приписывать своим лекарствам все, что может зависеть от благоприятного стечения обстоятельств и от сил природы.

Сганарель. Как, сударь, вы и в медицине такой же безбожник?

Дон Жуан. Медицина - одно из величайших заблуждений человечества.

Сганарель. Как, вы не верите ни в александрийский лист, ни в ревень, ни в рвотное вино?

Дон Жуан. Ас чего бы я стал верить в них?

Сганарель. Душа у вас, как у язычника. Но вы же сами видите, рвотное вино за последнее время наделало много шума. Чудеса, которые оно творит, заставили поверить в него даже наиболее недоверчивых, да я и сам не далее, как три недели тому назад, наблюдал его изумительное действие.

Дон Жуан. А именно?

Сганарель. Один человек уже шесть дней находился при смерти; не знали, что ему и прописать, толку не было ни от одного лекарства; решили в конце концов дать ему рвотного вина.

Дон Жуан. И он, конечно, выздоровел?

Сганарель. Нет, умер.

Дон Жуан. Замечательное действие!

Сганарель. А что вы хотите? Целых шесть дней он не мог умереть, а тут сразу же и умер. Это ли не действительное средство?

Дон Жуан. Ты прав.

Сганарель. Но оставим медицину - все равно вы в нее не верите - и поговорим о других вещах; это платье придает мне ума, и мне хочется о чем-нибудь с вами поспорить. Ведь вы же мне разрешаете споры и запрещаете только упреки.

Дон Жуан. Ну?

Сганарель. Хотелось бы мне выведать ваши мысли. Неужели вы совсем не верите в небо?

Дон Жуан. Оставим это.

Сганарель. Стало быть, не верите. А в ад?

Дон Жуан. Э!

Сганарель. То же самое. А в дьявола, скажите, пожалуйста?

Дон Жуан. Вот, вот.

Сганарель. Тоже, значит, не особенно. Ну, в будущую жизнь хоть сколько-нибудь верите?

Дон Жуан. Ха-ха-ха!

Сганарель. Я бы не взялся вас обратить. А что вы думаете насчет "черного монаха"?

Дон Жуан. Пошел ты к черту со своими глупостями!

Сганарель. Вот уж этого я вам не уступлю: достовернее "черного монаха" ничего быть не может, тут я хоть на виселицу готов. Однако нужно же во что-нибудь верить. Во что вы верите?

Дон Жуан. Во что я верю?

Сганарель. Да.

Дон Жуан. Я верю, Сганарель, что дважды два - четыре, а дважды четыре восемь.

Сганарель. Хороша вера и хороши догматы! Выходит, значит, что ваша религия - это арифметика? Экие же вздорные мысли появляются, по правде сказать, в головах у людей, и чем больше учился человек, тем неразумнее он чаще всего бывает! Я, сударь, слава богу, не учился, как вы, и никто не может похвастаться, что чему-нибудь меня научил, но я с моим умишком, с моим крохотным здравым смыслом лучше во всем разбираюсь, чем всякие книжники, и я-то прекрасно понимаю, что этот мир, который мы видим, не мог же вырасти, как гриб, за одну ночь. Кто же, позвольте вас спросить, создал вот эти деревья, эти скалы, эту землю и это небо, что над нами? Или, может быть, все это сотворилось само собой? Взять к

примеру хоть вас: разве вы сами собой появились на свет, разве не нужно было для этого, чтобы ваша мать забеременела от вашего отца? Можете ли вы смотреть на все те хитрые штуки, из которых состоит машина человеческого тела, и не восхищаться, как все это пригнано одно к другому? Нервы, кости, вены, артерии, эти самые... легкие, сердце, печень и прочие части, которые тут имеются и... Бог ты мой, что же вы меня не прерываете? Я не могу вести спор, если меня не перебивают. Вы нарочно молчите, это просто ваша хитрость, что вы позволяете мне говорить.

Дон Жуан. Я жду, когда ты кончишь свое рассуждение.

Сганарель. Ая рассуждаю так: что бы вы ни говорили, есть в человеке что-то необыкновенное - такое, чего никакие ученые не могли бы объяснить. Разве это не поразительно, что вот я тут стою, а в голове у меня что-то такое думает о сотне всяких вещей сразу и приказывает моему телу все, что угодно? Захочу ли я ударить в ладоши, вскинуть руки, поднять глаза к небу, опустить голову, пошевелить ногами, пойти направо, налево, вперед, назад, повернуться... (Поворачивается и падает.)

Дон Жуан. Вот твоё рассуждение и разбило себе нос.

Сганарель. А, черт! Как это глупо, что я пустился тут с вами рассуждать! Верьте во что хотите, - не все ли мне равно в конце концов: будете вы осуждены на вечную муку или нет?

Дон Жуан. Однако мы так увлеклись рассуждениями, что, по-видимому, заблудились. Позови-ка вон того человека и спроси у него дорогу.

ЯВЛЕНИЕ II

Дон Жуан, Сганарель, нищий.

Сганарель. Эй, эй, человек! Эй, брат! Эй, приятель! Будь добр, на пару слов. Скажи нам, пожалуйста, как пройти в город.

Нищий. Вам надо и дальше идти этой дорогой, господа, а когда выйдете из леса, сверните направо, но должен вас предупредить - будьте начеку: с недавних пор тут в окрестностях завелись разбойники.

Дон Жуан. Я тебе очень признателен, друг мой, благодарю от всего сердца.

Нищий. Может, сударь, вы мне милостыню подадите?

Дон Жуан. Вот оно что! Твои советы, как я вижу, не были бескорыстны.

Нищий. Я бедный человек, сударь, и уже десять лет, как живу один в этом лесу. Заставьте вечно за вас бога молить.

Дон Жуан. Ты попроси у неба, чтобы оно дало тебе платье, а о чужих делах не беспокойся.

Сганарель. Ты, добрый человек, не знаешь моего господина: он верит только в то, что дважды два - четыре, а дважды четыре - восемь.

Дон Жуан. Что ты делаешь в этом лесу?

Нищий. Всякий день молюсь о здравии добрых людей, которые мне что-нибудь дают.

Дон Жуан. Так не может быть, чтобы ты в чем-нибудь терпел нужду.

Нищий. Увы, сударь, я очень бедствую.

Дон Жуан. Ну, вот еще! Человек, который весь день молится, ни в чем не может иметь недостатка.

Нищий. Уверяю вас, сударь: у меня часто и куска хлеба нет.

Дон Жуан. Вот странное дело! Плохо же ты вознагражден за свое усердие. Ну, так я тебе дам сейчас луидор, но за это ты должен побогохульствовать.

Нищий. Да что вы, сударь, неужто вы хотите, чтобы я совершил такой грех?

Дон Жуан. Твое дело, хочешь - получай золотой, не хочешь - не получай. Вот смотри, это тебе, если ты будешь богохульствовать. Ну, богохульствуй!

Нищий. Сударь...

Дон Жуан. Иначе ты его не получишь.

Сганарель. Да ну, побогохульствуй немножко! Беды тут нет.

Дон Жуан. На, бери золотой, говорят тебе, бери, только богохульствуй.

Нищий. Нет, сударь, уж лучше я умру с голоду.

Дон Жуан. На, возьми, я даю тебе его из человеколюбия. Но что я вижу! На одного напали трое! Силы слишком неравные, я такой низости не потерплю. (Со шпагой в руке бросается к дерущимся.)

ЯВЛЕНИЕ III

Сганарель один.

Сганарель. Мой господин - просто отчаянная голова: сам ищет опасности. Однако помощь-то его пригодилась, двое обратили в бегство троих.

ЯВЛЕНИЕ IV

Дон Жуан, дон Карлос; Сганарель (в глубине сцены).

Дон Карлос (вкладывая шпагу в ножны). Бегство этих разбойников свидетельствует о том, какую услугу оказала мне ваша рука. Позвольте, милостивый государь, поблагодарить вас за столь великодушный поступок и...

Дон Жуан. Я, милостивый государь, не сделал ничего такого, чего бы и вы не сделали на моем месте. Наша честь заинтересована в подобных столкновениях, а эти негодяи совершили такую подлость, что не помешать им значило принять их сторону. Но каким образом попали вы к ним в руки?

Дон Карлос. Я случайно отстал от моего брата и от всей нашей свиты и, стараясь напасть на их след, столкнулся с этими разбойниками: они сперва убили моего коня, а потом, если бы не вы, сделали бы то же самое и со мной.

Дон Жуан. Вам надо ехать по направлению к городу?

Дон Карлос. Да, но в самый город я не собираюсь. Мы с братом вынуждены разъезжать по окрестностям ради одного из тех досадных дел, которые заставляют дворянина приносить и себя и свою семью в жертву суровым требованиям чести, ибо самый отрадный успех здесь всегда губителен: если не расстанешься с жизнью, то во всяком случае расстанешься со всем остальным. Вот почему положение дворянина мне представляется печальным: вся его осмотрительность, все благородство его собственного поведения не могут обеспечить ему благополучие и безопасность, законы чести ставят его в зависимость от чужого распутства, его жизнь, его покой и его благосостояние подвластны прихоти первого же наглеца, которому вздумается нанести ему одно из тех оскорблений, что приводят порядочного человека к гибели.

Дон Жуан. У нас то преимущество, что человека, легкомысленно оскорбившего нас, мы заставляем подвергаться таким же опасностям и так же неприятно проводить время. Однако, простите за нескромный вопрос, что у вас произошло?

Дон Карлос. Произошло то, из чего уже не приходится делать тайны, и коль скоро оскорбление нанесено, наша честь должна стремиться не скрыть наш позор, а дать совершиться мести и даже раскрыть истинное наше намерение. Итак, сударь, я не намерен утаивать от вас, что оскорбление, за которое мы хотим отомстить, заключается в следующем: нашу сестру соблазнили и похитили из монастыря, а виновник этого - некий Дон Жуан Тенорио, сын дон Луиса Тенорио. Мы разыскиваем его уже несколько дней, а нынче утром пытались выследить его по донесению одного из слуг, который нам сказал, что он отправился верхом в сопровождении не то четырех, не то пяти человек и поехал вдоль этого берега, но все наши усилия были тщетны: нам так и не удалось узнать, куда он девался.

Дон Жуан. А вы, сударь, знакомы с этим самым Дин Жуаном?

Дон Карлос. Нет, мне он незнаком. Я никогда не видел его и знаю о нем лишь со слов брата, который описывал мне его, но молва о нем не больно хороша, и жизнь этого человека...

Дон Жуан. Позвольте, сударь, вас прервать. Я с ним довольно дружен, и с моей стороны было бы, пожалуй, низко выслушивать дурные отзывы о нем.

Дон Карлос. Из приязни к вам, сударь, я вовсе не буду о нем отзываться. Самое меньшее, что я в силах сделать для вас после того, как вы спасли мне жизнь, это молчать о человеке, которого вы знаете и о котором я могу сказать только дурное. Но, как бы вы с ним ни были дружны, я надеюсь, вы не одобрите его поступка и вам не покажется странным, что мы стремимся ему отомстить.

Дон Жуан. Напротив, я хочу вам услужить и избавить вас от лишних хлопот. Я друг Дон Жуана, с этим я уж ничего не могу поделать, но чтобы он безнаказанно оскорблял дворян - это недопустимо, и я берусь добиться, что он даст вам удовлетворение.

Дон Карлос. Какое же удовлетворение можно дать, когда нанесено такое оскорбление?

Дон Жуан. Любое, какого пожелает ваша честь. А чтобы вы не утруждали себя дальнейшими поисками Дон Жуана, я обязуюсь доставить его в такое место и в такое время, какое вам будет угодно назначить.

Дон Карлос. Эта надежда, сударь, отрадна оскорбленным сердцам. Но теперь, когда я стольким вам обязан, мне было бы слишком больно видеть вас в качестве секунданта.

Дон Жуан. Я настолько близок с Дон Жуаном, что если он будет драться, то и я должен драться, но во всяком случае я отвечаю вам за него, как за самого себя: вам стоит только сказать, когда вы хотите, чтобы он явился и дал вам удовлетворение.

Дон Карлос. Как ко мне жестока судьба! Я вам обязан жизнью, а Дон Жуан вам друг!

ЯВЛЕНИЕ V

Дон Алонсо, Дон Карлос, Дон Жуан, Сганарель.

Дон Алонсо (обращается к своей свите, не видя дон Карлоса и Дон Жуана). Напоите лошадей и ведите их за нами, я немного пройду пешком. (Замечает их обоих.) О небо! Что я вижу! Возможно ли? Вы, мой брат, вместе с нашим смертельным врагом?

Дон Карлос. Нашим смертельным врагом?

Дон Жуан (кладя руку на эфес шпаги). Да, я - Дон Жуан, и хотя вас много, а я один, это не заставит меня скрывать мое имя.

Дон Алонсо (обнажая шпагу). О, тебе не избежать гибели, изменник, и...

Сганарель убегает и прячется,

Дон Карлос. Брат мой, остановитесь! Я обязан ему жизнью: если б не он, меня бы убили разбойники.

Дон Алонсо. Так неужели же это должно помешать нашей мести? Любые услуги, оказанные вражеской рукой, ничего не значат и ничем не связывают нас. Если сравнивать услугу и оскорбление, то ваша благодарность, брат мой, здесь просто смешна, а так как честь бесконечно дороже жизни, то мы, собственно, ничем и не обязаны человеку, который спас нам жизнь, но отнял у нас честь.

Дон Карлос. Я знаю, брат мой, какая для дворянина существует разница между честью и жизнью; благодарность за услугу не стирает в моей душе память об оскорблении, но позвольте вернуть ему мой долг и за жизнь, которой я ему обязан, рассчитаться тотчас же, отсрочив нашу месть и предоставив ему еще несколько дней наслаждаться плодами его благодеяния.

Дон Алонсо. Нет, нет, отсрочка опасна для нашей мести, а случай может больше и не представиться. Сегодня небо дарит нам его - мы должны этим воспользоваться. Когда честь оскорблена смертельно, незачем стараться сдерживать себя, и если вам претит участие в таком деле, вы можете удалиться и предоставить моей руке со славой совершить жертвоприношение.

Дон Карлос. Умоляю вас, брат мой...

Дон Алонсо. Все эти речи излишни: он должен умереть.

Дон Карлос. Повторяю, брат мой, остановитесь. Я не потерплю покушения на его жизнь. Клянусь небом, я буду защищать его от кого бы то ни было, жизнь моя, которую он спас, пусть станет для него броней. Для того чтобы ваши удары могли обрушиться на него, вам придется пронзить меня.

Дон Алонсо. Как! Вы принимаете сторону нашего врага и идете против меня? Вместо ярости,

которая охватывает меня при его виде, ваши чувства к нему дышат кротостью!

Дон Карлос. Брат мой, будем соблюдать умеренность в исполнении нашего долга и отомстим за нашу честь без того неистовства, какое выказываете вы. Будем великодушны и овладеем собою, сохраним достоинство, чуждое всякой свирепости, во всем послушное внушениям разума, а не порывам слепого гнева. Я не хочу, брат мой, остаться в долгу у моего врага, я считаю себя обязанным прежде всего рассчитаться с ним. Наша месть грянет с неменьшей силой оттого, что мы ее отсрочим, - напротив, она еще выиграет от этого: если мы не совершим ее сейчас, она еще более справедливой представится потом всему свету.

Дон Алонсо. О, какая непостижимая слабость и какое страшное ослепление - подвергать подобному риску интересы собственной чести ради нелепой мысли о химерических обязательствах!

Дон Карлос. Нет, брат мой, не тревожьтесь. Если я делаю ошибку, я сумею ее исправить, я беру на себя все заботы о нашей чести. Я знаю, чего она требует от нас, и эта отсрочка на один день, к которой меня обязывает благодарность, еще более воспламенит мое желание исполнить долг чести. Дон Жуан, вы видите, что я стараюсь отплатить вам за добро, которое вы мне сделали, - по этому вы можете судить об остальном и верить, что я с таким же рвением возвращаю все мои долги и что за оскорбление я отплачу так же исправно, как и за благодеяние. Я не стану требовать от вас, чтобы вы тут же объяснили ваши чувства, - я предоставляю вам на свободе обдумать решение, которое вам следует принять. Вы сами хорошо знаете, какое оскорбление вы нам нанесли, и я предлагаю вам судить, какого удовлетворения оно требует. Чтобы нас удовлетворить, есть средства мирные, есть также средства жестокие и кровавые, но как бы то ни было и что бы вы ни избрали, вы мне дали слово добиться удовлетворения от Дон Жуана. Прошу вас, не забывайте об этом и помните, что в любом другом месте я должник только перед моей честью.

Дон Жуан. Я ничего не требовал от вас и исполню, что обещал.

Дон Карлос. Пойдемте, брат мой, - минутное снисхождение не наносит никакого ущерба суровости нашего долга.

ЯВЛЕНИЕ VI

Дон Жуан, Сганарель.

Дон Жуан. Эй, Сганарель!

Сганарель (выходя). Что прикажете?

Дон Жуан. Как, мошенник? Ты убегаешь, когда на меня нападают?

Сганарель. Прошу прощения, сударь. Я был тут, поблизости. Сдается мне, что это платье вроде слабительного: как наденешь его - словно лекарство примешь.

Дон Жуан. Этакая наглость! Прикрывай свою трусость каким-нибудь более пристойным покровом. Знаешь ли ты, кому я спас жизнь?

Сганарель. Я? Нет, не знаю.

Дон Жуан. Брату Эльвиры.

Сганарель. Брату...

Дон Жуан. Он человек порядочный, он вел себя, как подобает, и я жалею, что в ссоре с ним.

Сганарель. Вам было бы легко все это уладить.

Дон Жуан. Да, но страсть моя к донье Эльвире остыла, и мне вовсе не по душе связывать себя обещанием. В любви я люблю свободу, ты это знаешь, и никогда бы не решился запереть свое сердце в четырех стенах. Я двадцать раз говорил тебе: у меня врожденная склонность отдаваться всему тому, что меня привлекает. Мое сердце принадлежит всем красавицам, и они могут одна за другой овладевать им и удерживать его, сколько сумеют. Но что это за великолепное здание я вижу там, между деревьями?

Сганарель. Вы разве не знаете?

Дон Жуан. Право, не знаю.

Сганарель. Да что вы? Это же гробница, которую заказал себе командор незадолго перед тем, как вы его убили.

Дон Жуан. Ах, верно! Я и не знал, что она здесь. Все рассказывают чудеса об этом сооружении, да и о статуе командора, - мне хочется пойти посмотреть.

Сганарель. Не ходите, сударь.

Дон Жуан. Почему?

Сганарель. Неучтиво идти смотреть на человека, которого вы убили.

Дон Жуан. Напротив, я хочу сделать этот визит в знак учтивости, и он должен принять его благосклонно, если он воспитанный человек. Ну, давай войдем.

Гробница открывается, видна статуя командора.

Сганарель. Ох, как красиво! Какие красивые статуи! Какой красивый мрамор! Какие красивые колонны! Ох, как красиво! Что вы скажете, сударь?

Дон Жуан. Я еще не видел, чтобы тщеславие покойника так далеко заходило. Удивительно, что человек, который довольствовался при жизни более или менее скромным жилищем, захотел иметь столь великолепное, когда оно ему ни на что не нужно.

Сганарель. Вот и статуя командора.

Дон Жуан. Черт возьми! Ему идет это одеяние римского императора.

Сганарель. Честное слово, сударь, отличная работа. Он совсем как живой, кажется, вот сейчас заговорит. Он бросает на нас такие взгляды, что мне бы страшно стало, кабы я был один, и, думается мне, ему нас видеть неприятно.

Дон Жуан. Напрасно. Это было бы нелюбезно с его стороны - так принять честь, которую я ему оказываю. Спроси у него, не хочет ли он отужинать у меня.

Сганарель. Я думаю, он в этом не нуждается.

Дон Жуан. Спроси, говорят тебе.

Сганарель. Да вы шутите! С ума надо сойти, чтоб идти разговаривать со статуей.

Дон Жуан. Делай, что я тебе говорю.

Сганарель. Что за фантазия! Сеньор командор... (В сторону.) Мне стыдно за мою глупость, но так велит мой хозяин. (Громко.) Сеньор командор! Господин мой, Дон Жуан, спрашивает вас, сообразовали ли вы сделать ему честь и отужинать у него?

Статуя кивает головой.

Ай!

Дон Жуан. Что такое? Что с тобой? Да говори! Что же ты молчишь?

Сганарель (кивая головой, как статуя). Статуя...

Дон Жуан. Ну, дальше! Что ты хочешь сказать, негодяй?

Сганарель. Я говорю, что статуя...

Дон Жуан. Ну, что статуя? Я тебя убью, если ты не скажешь.

Сганарель. Статуя сделала мне знак.

Дон Жуан. Черт бы тебя побрал, бездельник!

Сганарель. Я вам говорю, она сделала мне знак, истинная правда. Подите поговорите с ней сами. Может...

Дон Жуан. Пойдем, мошенник, пойдем. Я заставлю тебя воочию убедиться в твоей трусости. Не угодно ли сеньору командору отужинать у меня?

Статуя еще раз кивает головой.

Сганарель. Вот еще удовольствие! Ну что, сударь?

Дон Жуан. Пойдем отсюда.

Сганарель (в сторону). Вот они, вольнодумцы, которые ни во что не хотят верить!

Действие четвертое

СЦЕНА ПРЕДСТАВЛЯЕТ АПАРТАМЕНТЫ ДОН ЖУАНА

ЯВЛЕНИЕ I

Дон Жуан, Сганарель, Раготен.

Дон Жуан (Сганарелю). Что бы там ни было, довольно об этом. То суцая безделица: нас могла ввести в заблуждение игра теней, могла обмануть дымка, застилавшая нам взор.

Сганарель. Ох, сударь, не старайтесь опровергать то, что мы видели своими глазами! Он и

впрямь кивнул головой, и я не сомневаюсь, что небо, возмущенное той жизнью, какую вы ведете, совершило это чудо, чтобы образумить вас, чтобы спасти вас от...

Дон Жуан. Слушай! Если ты и дальше будешь мне докучать глупыми нравоучениями, если ты мне скажешь еще хоть слово на этот счет, я позову кого-нибудь, прикажу принести воловьи жилы, велю трем или четверем человекам тебя держать и нещадно тебя избью. Понял?

Сганарель. Как не понять, сударь, прекрасно понял! Вы говорите прямо, в вас то и хорошо, что вы не любите обиняков, а всегда объясняетесь начистоту.

Дон Жуан. Хорошо, пусть мне скорее несут ужинать. Мальчик, подай стул.

ЯВЛЕНИЕ II

Дон Жуан, Сганарель, Ла Вьолет, Раготен.

Ла Вьолет. Там, сударь, пришел ваш поставщик, господин Диманш, - он хочет с вами поговорить.

Сганарель. Ну вот, этого нам как раз и не хватало - кредитора с его любезностями! Что это ему вздумалось требовать с нас денег и почему ты не сказал ему, что барина нет дома?

Ла Вьолет. Я уже час целый это говорю, но он не хочет верить и сидит, дожидается.

Сганарель. Пусть его ждет, сколько ему угодно.

Дон Жуан. Нет, напротив,пусти его. Прятаться от кредиторов - это очень плохая политика. Надо же им чем-нибудь отплатить, а я знаю секрет, как отпустить их с чувством удовлетворения, не дав им ни одного дублона.

ЯВЛЕНИЕ III

Дон Жуан, г-н Диманш, Сганарель, Ла Вьолет, Раготен.

Дон Жуан. А, господин Диманш, милости просим! Как я счастлив, что вижу вас! Как мне досадно на моих слуг, что они не сразу провели вас ко мне! Я приказал, чтобы ко мне никого не пускали, но это не имеет никакого отношения к вам; вы имеете право на то, чтобы для вас мои двери всегда были открыты.

Г-н Диманш. Покорно благодарю, сударь.

Дон Жуан (обращаясь к Ла Вьолету и Раготену). Черт бы вас побрал, бездельники, я вам покажу, как оставлять господина Диманша в передней, я вас научу разбираться в людях!

Г-н Диманш. Ничего, сударь.

Дон Жуан (г-ну Диманшу). Это что такое! Сказать, что меня нет дома, и кому - господину Диманшу, лучшему моему другу!

Г-н Диманш. Премного благодарен, сударь. Я пришел...

Дон Жуан. Стул для господина Диманша, живо!

Г-н Диманш. Мне, сударь, и так хорошо.

Дон Жуан. Нет, нет, я хочу, чтобы вы сидели подле меня.

Г-н Диманш. Да это неважно.

Дон Жуан. Уберите складной стул и принесите кресло!

Г-н Диманш. Помилуйте, сударь, я...

Дон Жуан. Нет, нет, я знаю, чем я вам обязан, и не хочу, чтобы между нами делали разницу.

Г-н Диманш. Сударь...

Дон Жуан. Садитесь, пожалуйста!

Г-н Диманш. Не извольте беспокоиться, сударь, мне ведь вам всего два слова сказать. Я...

Дон Жуан. Садитесь, говорят вам!

Г-н Диманш. Нет, сударь, мне и так хорошо. Я пришел, чтобы...

Дон Жуан. Нет, если вы не сядете, я не стану вас слушать.

Г-н Диманш. Пусть будет, сударь, по-вашему. Я...

Дон Жуан. Черт побери, господин Диманш, вид у вас на славу!

Г-н Диманш. Да, сударь, благодарю вас. Я пришел...

Дон Жуан. Здоровье у вас завидное: губы свежие, румянец на щеках, глаза такие живые.

Г-н Диманш. Я бы хотел...

Дон Жуан. Как поживает ваша супруга, госпожа Диманш?

Г-н Диманш. Хорошо, сударь, слава богу.

Дон Жуан. Славная женщина!

Г-н Диманш. Спасибо на добром слове, сударь. Я пришел...

Дон Жуан. А как поживает ваша дочка Клодина?

Г-н Диманш. Отлично.

Дон Жуан. Такая милая девочка! Я ее очень люблю.

Г-н Диманш. Слишком много чести для нее, сударь. Я вам...

Дон Жуан. А маленький Колен все время играет на барабане?

Г-н Диманш. Все время, сударь. Я...

Дон Жуан. А ваша собачка Брюске все так же громко лает и кусает за ноги всех, кто к вам приходит?

Г-н Диманш. Пуще прежнего, сударь, - не знаем, что с ней делать.

Дон Жуан. Не удивляйтесь, что я так расспрашиваю вас о вашем семействе, я принимаю в нем самое живое участие.

Г-н Диманш. Мы вам очень благодарны, сударь. Я...

Дон Жуан (протягивает ему руку). Дайте руку, господин Диманш. Ведь вы, правда, мой друг?

Г-н Диманш. Я, сударь, всегда к вашим услугам.

Дон Жуан. Черт возьми, я к вам так привязан!

Г-н Диманш. Слишком много чести для меня. Я...

Дон Жуан. Я все готов сделать для вас.

Г-н Диманш. Сударь, вы слишком добры ко мне.

Дон Жуан. И притом, поверьте, совершенно бескорыстно.

Г-н Диманш. Право, я не заслужил такой милости. Но, сударь...

Дон Жуан. А что, господин Диманш, не хотите ли без всяких церемоний отужинать со мной?

Г-н Диманш. Нет, сударь, мне надо домой. Я...

Дон Жуан (встает). Эй, факел сюда, живо! Проводите господина Диманша! Пусть четверо или пятеро моих слуг возьмут мушкетоны и пойдут вместе с ним!

Г-н Диманш (тоже встает). Это лишнее, сударь, я и один дойду. Но...

Сганарель быстро убирает кресло.

Дон Жуан. Что такое? Нет, я хочу, чтобы вас проводили, я слишком вами дорожу. Я ваш покорнейший слуга, и к тому же я ваш должник.

Г-н Диманш. Ах, сударь...

Дон Жуан. Я этого и не скрываю и говорю всем.

Г-н Диманш. Вот если бы...

Дон Жуан. Хотите, я сам вас провожу?

Г-н Диманш. Ах, что вы, сударь! Я, сударь...

Дон Жуан. Так сделайте милость, давайте обнимемся. И еще раз прошу вас не сомневаться в моей преданности: нет такой услуги, которой я бы вам не оказал. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ IV

Г-н Диманш, Сганарель.

Сганарель. Надо признаться, мой господин очень вас любит.

Г-н Диманш. Это правда, он так со мной учтив и столько говорит любезностей, что у меня язык не поворачивается спросить его о деньгах.

Сганарель. Уверяю вас, мы все готовы отдать за вас жизнь. Мне бы хотелось, чтобы с вами что-нибудь приключилось, чтоб кому-нибудь вздумалось отколотить вас палкой, - тут бы вы увидели, как...

Г-н Диманш. Верю, но только я прошу вас, Сганарель: закиньте ему удочку насчет моих денег.

Сганарель. О, не беспокойтесь, он вам прекрасно заплатит!

Г-н Диманш. Но вы-то сами, Сганарель, вы мне тоже кое-что должны.

Сганарель. Фуй! Не будем об этом говорить.

Г-н Диманш. Как так? Я...

Сганарель. Неужели я не знаю, что я вам должен?

Г-н Диманш. Да, но...

Сганарель. Идемте, господин Диманш, я вам посвечу.

Г-н Диманш. Но мои деньги?..

Сганарель (берет г-на Диманша под руку). Полно, полно!

Г-н Диманш. Я хочу...

Сганарель (тащит его). Да ну!

Г-н Диманш. Я полагаю...

Сганарель (толкает его к двери). Пустяки!

Г-н Диманш. Но...

Сганарель (снова толкает его). Фуй!

Г-н Диманш. Я...

Сганарель (выталкивает его). Фуй, говорят вам!

ЯВЛЕНИЕ V

Дон Жуан, Сганарель, Ла Вьолет.

Ла Вьолет (дон Жуану). Сударь, пришел ваш отец.

Дон Жуан. Куда как хорошо! Только этого недоставало, чтобы довести меня до бешенства!

ЯВЛЕНИЕ VI

Дон Луис, Дон Жуан, Сганарель.

Дон Луис. Я вижу, что помешал вам и что вы не в восторге от моего прихода. По правде сказать, и вы и я странным образом досаждаем друг другу: я надоел вам своими посещениями, а мне надоело ваше беспутство. Увы, до чего же мы опрометчивы! Мы не доверяем небу заботы о наших нуждах, - нет, мы хотим быть умнее его и докучаем ему нашими бессмысленными желаниями и необдуманно просьбами. Я страстно желал иметь сына, я неустанно воссылал к небу жаркие мольбы, и вот теперь этот сын, которого оно, уступая моей настойчивости, мне послало, этот сын, кроме горя и муки, ничего мне не принес, а между тем я надеялся, что он будет мне отрадой и утешением. Какими же глазами я, по-вашему, могу смотреть на бесчисленное множество ваших недостойных поступков, всю мерзость которых трудно преуменьшите в глазах света, на эту нескончаемую цепь злых дел, которые, что ни час, вынуждают нас злоупотреблять добротой короля и уже свели на нет в его мнении все мои заслуги и все влияние моих друзей? Как низко вы пали! Неужели вы не краснеете оттого, что так мало достойны своего происхождения? Вправе ли вы, скажите мне, хоть сколько-нибудь гордиться им? Что вы сделали для того, чтобы оправдать звание дворянина? Или вы думаете, что достаточно имени и герба и что благородная кровь сама по себе уже возвышает нас, хотя бы мы поступали подло? Нет, нет, знатное происхождение без добродетели - ничто. Славе наших предков мы сопричастны лишь в той мере, в какой сами стремимся походить на них. Блеск их деяний, что озаряет и нас, налагает на нас обязанность воздавать им такую же честь, идти по их стопам и не изменять их добродетели, если мы хотим считаться их истинными потомками. То, что вы приходите от доблестных предков, ровно ничего не значит: предки отказываются признать в вас свою кровь, и все те славные деяния, что ими совершены, не дают вам никаких преимуществ; напротив, блеск их, падая на вас, выставляет вас в еще более неприглядном виде, слава их - это факел, при свете которого всем бросается в глаза ваше позорное поведение. Поймите, наконец, что дворянин, ведущий дурную жизнь, - это изверг естества, что добродетель - это первый признак благородства, что именам я придаю куда меньше значения, чем поступкам, и что сына какого-нибудь ключника, если он честный человек, я ставлю выше, чем сына короля, если он живет, как вы.

Дон Жуан. Сударь, если бы вы сели, вам было бы удобнее говорить.

Дон Луис. Нет, дерзкий, я не стану садиться, не стану больше говорить, - я вижу, что все мои слова не действуют на твою душу. Но знай, недостойный сын, что своими поступками ты довел отца до крайности и что я, раньше чем ты думаешь, сумею положить предел твоему распутству, упрежу гнев небесный и, покарав тебя, смою с себя позор - быть твоим отцом.

ЯВЛЕНИЕ VII

Дон Жуан, Сганарель.

Дон Жуан (обращаясь к отцу, хотя тот уже вышел). Ах, да умирайте вы поскорее - это лучшее, что вы можете сделать! Каждому свой черед. Меня бесит, когда отцы живут так же долго, как сыновья. (Садится в кресло.)

Сганарель. Ах, сударь, вы не правы!

Дон Жуан (встает). Я не прав?

Сганарель (дрожа). Сударь...

Дон Жуан. Я не прав?

Сганарель. Да, сударь, вы не правы, что выслушали все его речи, вам следовало вытолкать его

в шею. Видана ли такая наглость? Отец является к сыну с выговором, призывает его исправиться, вспомнить о своем происхождении, вести жизнь порядочного человека и говорит еще уйму всяких глупостей в том же роде! Может ли это вынести такой человек, как вы, который сам знает, как надо жить? Я удивляюсь вашему терпению: будь я на вашем месте, я бы его выгнал вон. (В сторону.) Ах, проклятая угодливость, что ты со мной делаешь!

Дон Жуан. Дождусь я сегодня ужина?

ЯВЛЕНИЕ VIII

Дон Жуан, Сганарель, Раготен.

Раготен. Сударь, пришла какая-то дама под вуалью, хочет с вами поговорить.

Дон Жуан. Кто бы это мог быть?

Сганарель. Посмотрим.

ЯВЛЕНИЕ IX

Донья Эльвира под вуалью, Дон Жуан, Сганарель.

Донья Эльвира. Не удивляйтесь, дон Жуан, что видите меня в такой час и в таком одеянии. Причина важная заставила меня прийти, и то, что я хочу вам сказать, не терпит промедления. Сейчас я уже не пылаю гневом, как тогда, я теперь совсем иная, чем была утром. Перед вами уже не та донья Эльвира, что проклинала вас, чья возмущенная душа посылала лишь угрозы и дышала мстостью. Небо изгнало из моей души ту недостойную страсть, которую я испытывала к вам, все эти бурные порывы преступного увлечения, все эти постыдные крайности грубой земной любви. В моем сердце, все еще любящем вас, осталось лишь пламя, свободное от всякой чувственности, чистейшая нежность, бескорыстная привязанность, которая печется не о себе, а только о вашем благополучии.

Дон Жуан (Сганарелю, тихо). Ты, кажется, плачешь?

Сганарель. Простите.

Донья Эльвира. Эта любовь, чистая и совершенная, привела меня сюда ради вашего блага, чтобы от имени самого неба предостеречь вас и попытаться спасти вас от бездны, к которой вы стремитесь. Да, Дон Жуан, я знаю, как беспутна ваша жизнь, и небо, озарив мою душу и раскрыв мне глаза на мои заблуждения, внушило мне прийти к вам и сказать, что грехи ваши истощили его милосердие, что грозный гнев его готов обрушиться на вас, что в вашей воле избежать его немедленным раскаянием и что, быть может, вам остался только один день, чтобы отвратить от себя величайшее несчастье. Меня уже никакие земные узы не связывают с вами. Хвала небесам, все мои безумные мысли развеялись, решение мое принято: я удаляюсь от мира; единственно, о чем я молюсь, - это прожить еще столько, чтобы я могла искупить мой грех, ту слепоту, в которую меня ввергли порывы греховной страсти, и суровым покаянием заслужить прощение. Но и удалившись от мира, я терзалась бы жестокой мукой при мысли, что человек, которого я нежно любила, послужил роковым примером небесного правосудия. И несказанной радостью было бы для меня, если бы я могла помочь вам отвести от себя страшный удар, угрожающий вам. Умоляю вас, дон Жуан, окажите мне эту последнюю милость, доставьте мне это сладостное утешение. Ради меня не отказывайтесь от своего спасения, я прошу вас об этом со слезами, и если вы равнодушны к собственному благу, не будьте же равнодушны к моим мольбам и избавьте меня от лютой скорби - скорби при мысли о том, что

вы осуждены на вечную муку.

Сганарель (в сторону). Бедная женщина!

Донья Эльвира. Я любила вас бесконечно, вы были мне дороже всего на свете, ради вас я нарушила свой долг, я пошла на все, и теперь в награду я прошу вас об одном: исправьтесь и отведите от себя гибель. Молю вас: спасите себя из любви к себе или из любви ко мне. Еще раз, Дон Жуан, я со слезами прошу вас об этом. И если мало вам слез женщины, которую вы любили, то я заклинаю вас всем, что еще способно тронуть вас.

Сганарель (глядя на Дон Жуана, в сторону). Да это тигр какой-то!

Донья Эльвира. Я уйду. Это все, что я хотела вам сказать.

Дон Жуан. Сударыня, время позднее, останьтесь! Вас здесь устроят со всеми удобствами.

Донья Эльвира. Нет, Дон Жуан, не удерживайте меня.

Дон Жуан. Вы доставите мне удовольствие, сударыня, если останетесь, уверяю вас.

Донья Эльвира. Нет, нет, не будем терять время на пустые речи. Мне надо скорее идти, - не пытайтесь меня провожать и думайте только о том, что я вам сказала.

ЯВЛЕНИЕ X

Дон Жуан, Сганарель.

Дон Жуан. А знаешь ли, я опять что-то почувствовал к ней, в этом необычном ее виде я нашел особую прелесть: небрежность в уборе, томный взгляд, слезы - все это пробудило во мне остатки угасшего огня.

Сганарель. Иначе говоря, ее речи несколько на вас не подействовали.

Дон Жуан. Ужинать, живо!

Сганарель. Слушаюсь.

ЯВЛЕНИЕ XI

Дон Жуан, Сганарель, Ла Вьолет, Раготен.

Дон Жуан (сажась за стол). Надо все-таки подумать, Сганарель, как бы это исправиться.

Сганарель. Вот, вот!

Дон Жуан. Ей-богу, надо исправиться. Еще лет двадцать - тридцать проживем так, а потом и о душе подумаем.

Сганарель. Ох!

Дон Жуан. Ты что?

Сганарель. Да ничего. Вот ужин. (Берет кусок с одного из поданных блюд и кладет в рот.)

Дон Жуан. У тебя, кажется, щека распухла. Что это значит? Да отвечай, что с тобой?

Сганарель. Ничего.

Дон Жуан. Покажи-ка. Черт возьми! Да у него флюс. Живо ланцет, надо разрезать! Бедняге невоготу, от этого нарыва он может задохнуться. Смотрите, он совсем созрел. Ах ты, мошенник этакий!

Сганарель. Ей-богу, сударь, я только хотел попробовать, не пересолил ли повар и не положил ли он слишком много перцу.

Дон Жуан. Ну, садись и ешь. Я займусь тобой, когда поужинаю. Ты, я вижу, голоден?

Сганарель (садясь за стол). Еще бы, сударь, с утра ничего не ел. Вот этого возьмите, вкуснее ничего нельзя придумать. (Раготену, который, после того как Сганарель положит себе чего-нибудь на тарелку, сейчас же убирает ее, едва лишь Сганарель отвернется.) Моя тарелка! Моя тарелка! Пожалуйста, не торопитесь! Черт возьми, и мастер же вы, дружок, подставлять чистые тарелки! А вы, мой маленький Ла Вьолет, до чего же вовремя подливаете вино!

Пока Ла Вьолет наливает Сганарелю, Раготен убирает его тарелку.

Дон Жуан. Кто это так стучит?

Сганарель. Что это еще за черт мешает нам ужинать?

Дон Жуан. Я хочу поужинать спокойно - не впускать!

Сганарель. Позвольте, я сам пойду посмотрю.

Дон Жуан (видя, что Сганарель возвращается испуганный). Что такое? Кто там?

Сганарель (кивая головой, как статуя). Это... он.

Дон Жуан. Пойду посмотрю - докажу, что я ничего не боюсь.

Сганарель. Ах, бедный Сганарель, куда бы тебе спрятаться?

ЯВЛЕНИЕ XII

Дон Жуан, статуя командора, Сганарель, Ла Вьолет, Раготен.

Дон Жуан (слугам). Стул и прибор, живо!

Дон Жуан и статуя садятся за стол.

(Сганарелю.) Ну же, садись за стол!

Сганарель. Сударь, мне больше есть не хочется.

Дон Жуан. Садись, говорят тебе. Дайте вина! За здоровье командора! Я хочу с тобой чокнуться, Сганарель. Налейте ему вина.

Сганарель. Сударь, мне больше пить не хочется.

Дон Жуан. Пей и спой для командора свою песенку.

Сганарель. У меня, сударь, голос пропал.

Дон Жуан. Неважно. Пой. А вы (обращаясь к слугам) идите сюда, подпевайте ему.

Статуя. Довольно, Дон Жуан. Я приглашаю вас завтра отужинать со мною. Хватит у вас смелости?

Дон Жуан. Да. Я возьму с собой одного Сганареля.

Сганарель. Покорно благодарю, завтра я пощусь.

Дон Жуан (Сганарелю). Бери факел.

Статуя. Кто послан небом, тому свет не нужен.

Действие пятое

СЦЕНА ПРЕДСТАВЛЯЕТ ОТКРЫТУЮ МЕСТНОСТЬ

ЯВЛЕНИЕ I

Дон Луис, Дон Жуан, Сганарель.

Дон Луис. Ужели, сын мой, благое небо вняло моим мольбам? Правда ли то, что вы мне говорите? Не обманываете ли вы меня ложной надеждой, могу ли я хоть сколько-нибудь верить ошеломляющей вести о вашем обращении?

Дон Жуан. Да, я расстался со всеми своими заблуждениями, я уже не тот, что был вчера вечером, небо внезапно совершило во мне перемену, которая поразит весь свет. Оно озарило мою душу, раскрыло мне глаза, и теперь я в ужасе от того ослепления, в котором я так долго пребывал, и от преступной развратной жизни, которую я вел. Я вспоминаю все свои мерзкие дела и изумляюсь, как могло небо так долго их терпеть и уже двадцать раз не обрушило на мою голову грозные удары своего правосудия. Я вижу, какую милость явило мне благое небо, не наказав меня за мои преступления, и я намерен как должно воспользоваться этим, дать возможность всему свету убедиться в том, как внезапно переменилась моя жизнь, искупить мои прошлые поступки со всем их соблазном и постараться заслужить у неба полное прощение грехов. К этому я теперь приложу все усилия и прошу вас, сударь, способствовать мне в исполнении моего замысла и помочь найти такого человека, который служил бы мне вожатым, чтобы я, руководимый им, мог неуклонно шествовать новою для меня стезею.

Дон Луис. Ах, сын мой, как легко возвращается отцовская любовь и как быстро исчезают из памяти при первом слове раскаяния обиды, которые нанес нам сын! Я уже не помню всех тех огорчений, какие вы мне причиняли, - все изгладили слова, которые я только что слышал от вас. Признаюсь, я сам не свой, я лью слезы радости, все мои чаяния сбылись, мне больше не о чем просить небо. Обнимите меня, сын мой! Прошу вас: будьте тверды в вашем похвальном намерении. А я поспешу к вашей матери, принесу ей радостную весть, разделю с нею сладостный восторг, который я испытываю, и возблагодарю небо за то благодатное решение, которое оно внушило вам.

ЯВЛЕНИЕ II

Дон Жуан, Сганарель.

Сганарель. Ах, сударь, как я счастлив, что вы раскаялись! Давно я этого ждал, и вот, хвала небу, все мои желания исполнились.

Дон Жуан. Черт бы побрал этого дурака!

Сганарель. Как - дурака?

Дон Жуан. Неужели же ты за чистую монету принимаешь то, что я сейчас говорил, и думаешь, будто мои уста были в согласии с сердцем?

Сганарель. Вот как? Значит, нет... вы не... ваше... (В сторону.) Ох, что за человек, что за человек, что за человек!

Дон Жуан. Нет, нет, я нисколько не изменился, чувства мои все те же.

Сганарель. И вас не убеждает это изумительное чудо - движущаяся и говорящая статуя?

Дон Жуан. В этом, правда, есть что-то для меня непостижимое. Но что бы это ни было, оно не в силах ни убедить мой разум, ни поколебать мою душу, и если я сказал, что хочу изменить свое поведение и вести примерный образ жизни, то тут особый умысел, чистейшая политика, спасительная уловка, необходимое притворство, к которому я прибегаю, чтобы задобрить отца, ибо он мне нужен, и чтобы оградить себя от нападков чужих людей. Я говорю с тобою начистоту, Сганарель, я рад, что есть свидетель, которому я могу открыть свою душу и истинные побуждения, заставляющие меня действовать так или иначе.

Сганарель. Стало быть, вы ни во что не верите, а хотите выдать себя за добродетельного человека?

Дон Жуан. А почему бы нет? Сколько людей занимается этим ремеслом и надевает ту же самую маску, чтобы обманывать свет!

Сганарель. Ах, что за человек! Что за человек!

Дон Жуан. Нынче этого уже не стыдятся: лицемерие - модный порок, а все модные пороки сходят за добродетели. Роль человека добрых правил - лучшая из всех ролей, какие только можно сыграть. В наше время лицемерие имеет громадные преимущества. Благодаря этому искусству обман всегда в почете: даже если его раскроют, все равно никто не посмеет сказать против него ни единого слова. Все другие человеческие пороки подлежат критике, каждый волен открыто нападать на них, но лицемерие - это порок, пользующийся особыми льготами, оно собственной рукой всем затыкает рот и преспокойно пользуется полнейшей безнаказанностью. Притворство сплачивает воедино тех, кто связан круговой порукой лицемерия. Заденешь одного - на тебя обрушатся все, а те, что поступают заведомо честно и в чьей искренности не приходится сомневаться, остаются в дураках: по своему простодушию они попадают на удочку к этим кривлякам и помогают им обделывать дела. Ты не представляешь себе, сколько я знаю таких людей, которые подобными хитростями ловко загладили грехи своей молодости, укрылись за плащом религии, как за щитом, и, облачившись в этот почтенный наряд, добились права быть самыми дурными людьми на свете. Пусть козни их известны, пусть все знают, кто они такие, все равно они не лишаются доверия: стоит им разок-другой склонить голову, сокрушенно вздохнуть или закатить глаза - и вот уже все улажено, что бы они ни натворили. Под эту благодатную сень я и хочу укрыться, чтобы действовать в полной безопасности. От моих милых привычек я не откажусь, но я буду таиться

от света и развлекаться потихоньку. А если меня накроют, я палец о палец не ударю: вся шайка вступится за меня и защитит от кого бы то ни было. Словом, это лучший способ делать безнаказанно все, что хочешь. Я стану судьей чужих поступков, обо всех буду плохо отзываться, а хорошего мнения буду только о самом себе. Если кто хоть чуть-чуть меня заденет, я уже вовек этого не прощу и затаю в душе неутолимую ненависть. Я возьму на себя роль блюстителя небесных законов и под этим благовидным предлогом буду теснить своих врагов, обвиню их в безбожии и сумею натравить на них усердствующих простаков, а те, не разобрав, в чем дело, будут их поносить перед всем светом, осыплют их оскорблениями и, опираясь на свою тайную власть, открыто вынесут им приговор. Вот так и нужно пользоваться людскими слабостями и так-то умный человек приспособляется к порокам своего времени.

Сганарель. О небо, что я слышу? Ко всему прочему вам только еще недоставало сделаться лицемером: это уж верх гнусности. Ваша последняя затея, сударь, выводит меня из себя, и я не могу молчать. Делайте со мной все, что угодно: колотите меня, осыпайте ударами, убейте, если хотите, но я должен выложить все, что у меня на душе, и, как верный слуга, высказать вам все, что считаю нужным. Было бы вам известно, сударь: повадился кувшин по воду ходить - там ему и голову сломить, и, как превосходно говорит один писатель, не знаю только какой, человек в этом мире - что птица на ветке; ветка держится за дерево; кто держится за дерево, тот следует хорошим советам; хорошие советы дороже хороших речей; хорошие речи говорят при дворе; при дворе находятся придворные; придворные подражают моде; мода происходит от воображения; воображение есть способность души; душа - это то, что дает нам жизнь; жизнь кончается смертью; смерть заставляет нас думать о небе; небо находится над землей; земля - это не то, что море; на море бывают бури; бури треплют корабль; кораблю нужен добрый кормчий; добрый кормчий благоразумен; благоразумия лишены молодые люди; молодые люди должны слушаться стариков; старики любят богатство; богатство делает людей богатыми; богатые - это не то, что бедные; бедные терпят нужду; нужде закон не писан; кому закон не писан, тот живет как скотина, а значит, вы попадете к чертям в пекло.

Дон Жуан. Чудесное рассуждение!

Сганарель. Если вы все еще стоите на своем, то тем хуже для вас.

ЯВЛЕНИЕ III

Дон Карлос, Дон Жуан, Сганарель.

Дон Карлос. Как хорошо, что я вас встретил, Дон Жуан! Поговорить с вами и узнать ваше решение гораздо удобнее здесь, чем у вас. Вы знаете, что эту заботу я взял на себя и объявил о том в вашем присутствии. Что до меня, не скрою, - я горячо желал бы мирного исхода, и чего бы только я не сделал, чтобы и вас побудить к тому же и услышать, как вы перед всеми назовете мою сестру своей женой!

Дон Жуан (лицемерно). Увы! Я искренно хотел бы дать вам удовлетворение, которого вы желаете, но небо явно этому противится: оно внушило мне намерение изменить мою жизнь, и все мои помыслы сейчас только о том, что я должен совершенно отрешиться от всех мирских привязанностей, как можно скорее отречься от всяческой суеты и стараться отныне строгой жизнью искупить распутство, порожденное пылом безрассудной юности.

Дон Карлос. Ваше намерение, Дон Жуан, нисколько не противоречит тому, о чем я говорил: общество законной жены прекрасно может сочетаться с благими помыслами, внушенными вам небом.

Дон Жуан. Увы, нет! Такое же решение приняла и ваша сестра: она намерена уйти в монастырь, благодать коснулась нас одновременно.

Дон Карлос. Ее пострижение не может нас удовлетворить: его можно объяснить тем, что вы пренебрегли ею и нашим родством, а ведь честь наша требует, чтобы она жила с вами.

Дон Жуан. Уверяю вас, это невозможно. Я, со своей стороны, об этом только и мечтал и еще сегодня спрашивал у неба совета, но тут же услышал голос, возвестивший мне, что я не должен помышлять о вашей сестре и что с нею вместе я, наверное, не спасу свою душу.

Дон Карлос. Неужели, Дон Жуан, вы надеетесь обмануть нас подобными отговорками?

Дон Жуан. Я повинуюсь голосу неба.

Дон Карлос. И вы хотите, чтобы я удовлетворился вашими речами?

Дон Жуан. Так хочет небо.

Дон Карлос. Значит, вы похитили мою сестру из монастыря только для того, чтобы потом ее бросить?

Дон Жуан. Такова воля неба.

Дон Карлос. И мы потерпим такой позор в нашей семье?

Дон Жуан. Спрашивайте с неба.

Дон Карлос. Да что же это наконец? Все небо да небо!

Дон Жуан. Небу угодно, чтоб это было так.

Дон Карлос. Довольно, Дон Жуан, я понял вас. Рассчитаюсь я с вами после - здесь для этого неподходящее место, но в скором времени я вас разыщу.

Дон Жуан. Вы поступите, как вам будет угодно. Вам известно, что я не из трусливых и, когда нужно, шпагу держать умею. Вскоре я направлю свои стопы по узкой и безлюдной улице, ведущей к монастырю, но знайте, что хотя я и не желаю драться, так как небо запрещает мне самую мысль об этом, однако, если вы на меня нападете, мы еще посмотрим, что получится.

Дон Карлос. Мы еще посмотрим. Это верно, мы еще посмотрим.

ЯВЛЕНИЕ IV

Дон Жуан, Сганарель.

Сганарель. Что это за чертовская манера говорить появилась у вас, сударь? Это куда хуже, чем все прежнее, - по мне, лучше бы уж вы оставались, каким были. Я все надеялся на ваше спасение, но теперь я отчаялся: до сих пор небо вас терпело, но такой гадости оно уж, думается мне, не потерпит.

Дон Жуан. Полно, полно, небо не так щепетильно, как ты думаешь, и если бы всякий раз, когда люди...

ЯВЛЕНИЕ V

Дон Жуан, Сганарель, призрак в образе женщины под вуалью.

Сганарель (замечает призрак). Ах, сударь, это само небо хочет с вами говорить и посылает вам предостережение!

Дон Жуан. Если небо посылает мне предостережение и хочет, чтобы я понял его, пусть говорит яснее.

Призрак. Дон Жуану осталось одно мгновение, чтобы воззвать к небесному милосердию. Если же он не раскается, гибель его неминуема.

Сганарель. Слышите, сударь?

Дон Жуан. Кто смеет так говорить со мной? Я как будто узнаю этот голос.

Сганарель. Ах, сударь, это призрак, - я узнаю по походке!

Дон Жуан. Призрак ли, наваждение, или сам дьявол, - я хочу знать, что это такое.

Призрак меняет облик и предстает в образе Времени с косою в руке.

Сганарель. О небо! Видите, сударь, какое превращение?

Дон Жуан. Нет, нет, ничто меня не устроит, я проверю моей шпагой, тело это или дух.

Дон Жуан хочет нанести призраку удар, но тот исчезает.

Сганарель. Ах, сударь, склонитесь перед столькими знаменами и скорее покайтесь!

Дон Жуан. Нет, нет, что бы ни случилось, никто не посмеет сказать, что я способен к раскаянию. Идем, следуй за мной.

ЯВЛЕНИЕ VI

Статуя командора, Дон Жуан, Сганарель.

Статуя. Стойте, Дон Жуан! Вчера вы дали мне слово отужинать со мною.

Дон Жуан. Да. Куда надо идти?

Статуя. Дайте мне руку.

Дон Жуан. Вот моя рука.

Статуя. Дон Жуан! Кто закоснел в грехе, того ожидает страшная смерть; кто отверг небесное милосердие, над тем разразятся громы небесные.

Дон Жуан. О небо! Что со мной? Меня сжигает незримый пламень, я больше не в силах его терпеть, все мое тело - как пылающий костер. Ах!

Сильный удар грома; яркие молнии падают на Дон Жуана. Земля разверзается и поглощает его, а из того места, куда он исчез, вырываются языки пламени.

ЯВЛЕНИЕ VII

Сганарель один.

Сганарель. Ах, мое жалованье, мое жалованье! Смерть Дон Жуана всем на руку. Разгневанное небо, попранные законы, соблазненные девушки, опозоренные семьи, оскорбленные родители, погубленные женщины, мужья, доведенные до крайности, - все, все довольны. Не повезло только мне. Мое жалованье, мое жалованье, мое жалованье!

КОММЕНТАРИИ

Первое представление было дано в Париже на сцене театра Пале-Рояль 15 февраля 1665 г. Роль Сганареля исполнял Мольер.

Ввиду запрещения пьесы при жизни Мольера "Дон Жуан" напечатан не был.

Впервые комедия была напечатана в 1682 г. в полном собрании сочинений Мольера, составленном Лагранжем и Вино (Les Oeuvres de monsieur de Moliere, revues, corrigees et commentees, 8 vol., Paris, 1682). Любопытно отметить, что в амстердамском издании комедий Мольера (1675) "Дон Жуан" Мольера был заменен пьесой "Каменный гость, или Пораженный молнией атеист" Доримона без указания авторства последнего.

Первые издания русских переводов:

1. В. Строев, "Каменный гость", драма в пяти действиях. "Репертуар и Пантеон", 1843, Э 9 (переделка, присочинен первый акт, в котором Дон Жуан убивает командора и уговаривает его дочь Эльвиру бежать из родительского дома). Первый акт мольеровского "Дон Жуана" превращен во второй, второй в третий, третий в четвертый, в котором очень важная сцена с нищим совершенно переделана: нищим выведен еврей, отказывающийся есть свинину по предложению Дон Жуана. Мольеровские четвертый и пятый акты у Строева соединены в один пятый, в котором выпущены сцена с отцом и сцена с Сганарелем, где подвергалось сомнению существование потустороннего мира, и ряд других сцен. Появление призрака тоже было у Строева исключено.

2. В. И. Родиславский, "Дон-Жуан", комедия в пяти действиях, 1871.

Первые представления на русском языке состоялись в С.-Петербурге в Александрийском театре 5 мая 1816 г., с И. С. Сосницким в роли Дон Жуана, и в Москве в Малом театре в 1818 г.

Из спектаклей на рубеже XIX-XX веков наиболее примечательны: спектакль Малого театра 14 декабря 1876 г. с участием А. П. Ленского в роли Дон Жуана, спектакль Александрийского театра в 1910 г. (постановка В. Э. Мейерхольда) с участием Ю. М. Юрьева и К. А. Варламова, декорации Головина, и спектакль в Малаховском театре в Москве в 1915г. (Дон Жуан - Н. М. Радин, Сганарель - М. М. Тарханов).

В советские годы "Дон Жуан" ставился в Москве (театр им. Баумана, 1941) и в Ленинграде (Госдрама, 1932; театр Комедии, 1951).

Во время гастролей французского Национального Народного театра в Москве и Ленинграде в 1956 г. пьеса шла в постановке Жана Вилара (Дон Жуан - Жан Вилар, Сганарель - Даниэль Сорано, Эльвира - Мария Шометт).

Г. Бояджиев

1. Что бы ни говорил Аристотель.- Ссылка на мнение Аристотеля о табаке носит комический характер. Табак появился в Европе только в XVI в.
2. Inter nos (лат.) - между нами.
3. Эпикурейская свинья. - Эпикур (342-270 до н. э.) - древнегреческий философ-материалист, которого церковные авторы объявляли проповедником разврата.
4. Сарданапал - легендарный ассирийский царь, известный своим распутным образом жизни.
5. Александр Македонский (356-323 до н. э.) - македонский царь, знаменитейший полководец древности.
6. Командор - глава рыцарского ордена.
7. Четыре су парижских...- Во Франции XVII в. не было еще единой валюты. Правом чеканки монет обладала каждая область.
8. Медицина - одно из величайших заблуждений человечества. Высмеивая схоластику, Мольер многократно высмеивал и современную медицину, зараженную схоластической фразеологией и сохранявшую многие приемы невежественного средневекового врачевания. Врачи-шарлатаны и невежды показаны Мольером в комедиях "Летающий доктор", "Любовь-целительница", "Лекарь поневоле", "Господин де Пурсоньяк", "Мнимый больной".
9. Рвотное вино - лечебное средство.